

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

АПОКАЛИПСИС
ОТ КОБЫ

последняя загадка

Эдвард Станиславович Радзинский
Иосиф Сталин.
Последняя загадка
Серия «Апокалипсис от Кобы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4976766

Эдвард Радзинский. Иосиф Сталин. Последняя загадка: Астрель;

Москва; 2012

ISBN 978-5-271-44984-0, 978-5-271-45660-2

Аннотация

Война, ее начало и действия Иосифа Сталина накануне войны не разгаданы до сих пор. Подозрительнейший из людей, не доверявший даже собственной тени, этот вечный Фома неверующий – доверился Гитлеру!? На самом деле все было куда сложнее...

В новом романе из цикла «Апокалипсис от Кобы» одна из самых страшных тайн истории – тайна Второй Мировой, а также последняя Загадка Иосифа Сталина – его смерть.

Содержание

Война	7
Что задумал Коба	25
Новое прощание с другом Кобой	57
Катя. Последняя встреча	73
Война и лагерь	77
Чудо	84
И я понял – зачем	86
Коммунальная квартира	91
«Бесы»	97
Встреча товарища Кобы с его другом товарищем	105
Фудзи	
«Так это и есть пионерка Майя?»	112
Новые замыслы богочеловека	116
Очередная тайна Кобы	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Эдвард Радзинский

Апокалипсис от Кобы

Иосиф Сталин

Последняя загадка

В издании использованы иллюстративные материалы низкого разрешения, находящиеся в общественном доступе, а также иллюстрации из Немецкого федерального архива и открытых источников США

Эту рукопись я получил в Париже в 1976 году.

Я жил тогда в маленьком отеле «Delavigne» в Латинском квартале. Приехал я на премьеру своей пьесы и перед началом дал интервью парижской газете. На следующий день консьерж вручил мне тяжелый конверт... В нем была машинописная рукопись на русском языке и письмо, написанное от руки неровным почерком.

«Соотечественник!

Прочитал ваше интервью в «Монд». Узнал, что вы решили (точнее – решились) написать биографию «первого большевистского царя Иосифа Сталина». Так вы называли моего дорогого друга Кобу.

Я стар. Я стремительно гасну, дней моих на земле осталось немного. И все, записанное мною на

протяжении десятилетий... небывалых десятилетий! – попросту исчезнет в чужом городе. Я решил поторопиться... приходится торопиться... Я передаю рукопись вам. Я писал ее *тогда и теперь*. Тогда в стране по имени СССР записывал подробно и, не скрою, витиевато. (Я ведь, как многие в революционные годы, баловался литературой, даже роман писать собирался. Оттого и жилище в Париже выбирал литературное – живу здесь, в Латинском квартале, где меня, старого революционера, окружают такие родные, понятные тени. На мой дом глядят окна квартиры отца Революции Камиля Демулена, и отец гильотины, немец Шмидт, жил неподалеку. В двух шагах от моего дома Бомарше сочинял своего Фигаро... Над его наглыми шутками, раздевавшими аристократов, хохотали до упаду сами аристократы. А вскоре такие же Фигаро погнали на гильотину всю эту веселившуюся сволочь. Запомните: самые грозные идеи приходят в мир веселой, танцующей походкой. Родной нашей грузинской лезгинкой часто приходят они в мир.)

Я заканчивал писать свои Записки здесь, за границей, и, к сожалению, кратко. Дрожит рука (Паркинсон). Дрожит жалкая рука, которая так ловко убивала.

Я не надеюсь, что эти Записки помогут вам понять «нашего Кобу» – как звали товарища Сталина мы, его старые, верные друзья. Разве можно понять такого человека? Да и человек ли он?

Но смерть Кобы понять помогут. О ней написано много всякого вздора. Коба ненавидел Троцкого, но ценил его мысли. Были у Троцкого слова, рядом с которыми Коба поставил три восклицательных знака: «Мы уйдем, но на прощание так хлопнем дверью, что мир содрогнется...» Эти слова имеют прямое отношение к жизни Кобы, но еще больше – к его смерти.

В своем интервью вы сообщили, что хотите поговорить с охранниками Кобы, которые были с ним на даче в *ту ночь...* В *ту* судьбоносную ночь, когда *все случилось!* Пустое занятие! Они ничего не знают. Из ныне живущих *знаю только я*, его безутешный друг Фудзи, не перестающий думать о нем.

И Коба по-прежнему рядом с Фудзи. Такие, как Коба, не уходят. Он лишь на время схоронился в тени Истории. И поверьте, Хозяин – как справедливо звала страна «нашего Кобу», вернется в свою Империю. Впрочем, все это предсказал он сам, мой незабвенный друг Коба.

Мой заклятый враг Коба.

Он часто приходит ко мне по ночам, как только я засыпаю. И я чувствую его запах – старческий запах пота поношенного кителя генералиссимуса».

Подписи не было.

Далее шла рукопись.

Война

Война, ее начало и действия Кобы накануне войны не разгаданы до сих пор.

Коба – подозрительнейший из людей, не доверявший даже собственной тени, этот вечный Фома неверующий – доверился Гитлеру?! Гитлеру, который только и делал, что беззастенчиво лгал, нарушал свое слово. Об этой слепой, глупейшей, необъяснимой вере Кобы вы прочтете в десятках сочинений. Прочтете и о том, как в результате этой веры Коба оказался преступно не готов к нападению, за что страна и заплатила миллионами жизней.

На самом деле все было куда сложнее... Однако по порядку.

В это время Коба редко звал меня. Слежка за мной продолжалась. Открытая, наглая – чтобы я о ней знал. Телефон грубо прослушивался. В воскресенье его попросту отключали – дескать, у нас выходной, и слушать тебя мы не можем. Мой кабинет на Лубянке Берия закрыл на ремонт, и я теперь сидел в Наркомате иностранных дел. Старый знакомец Молотов поручал мне какую-то рутинную, чиновничью работу. Когда я должен был выехать в Париж, мне с усмешкой объявили: «Иосиф Виссарионович очень любит, когда вы переводите ему иностранное кино, поэтому вам следует пока воз-

держаться от отъездов».

И когда неожиданно выгнали с работы жену, я начал действовать. Свое агентурное имя я закодировал по-новому. Его знали теперь только мои агенты. Я послал им сообщение: «Если нет известий от (далее шло новое имя), вся сеть должна лечь на дно...» Так что если меня отправят на тот свет, моя агентурная сеть автоматически выключится.

Заканчивался сороковой год, но меня не тронули. На Новый год Коба опять меня не позвал. В новогоднюю ночь мы с женой и дочерью посидели немного и в половине первого легли спать. Телефон мой отключили.

С улицы из телефона-автомата я позвонил Кобе – поздравить его. Но меня с ним не соединили.

В начале весны Гитлер принялся захватывать Европу. Напал на Норвегию и Данию...

Как сообщил Корсиканец, на рассвете в пятом часу министры иностранных дел Дании и Норвегии были разбужены немецкими послами. Заспанным министрам объявили, что Германия вынуждена защитить их от угрозы англо-французской оккупации.

Предупредили, что сопротивление бесполезно. В это время корабли и транспорты с погашенными огнями под английскими флагами уже подходили к норвежским и датским берегам.

Дальнейшее я прочел в газетах.

В Норвегии были захвачены один за другим порты Тронхейм и Норвик, немцы беспощадно топили корабли, оказывавшие сопротивление.

У Бергена подоспели на помощь англичане, атакой с воздуха отправили на дно немецкий крейсер. Однако уже к полудню крупнейшие порты и побережье в полторы тысячи миль были в руках немцев.

Правда, захватить Осло с моря немцам не удалось, старинная крепость потопила другой немецкий крейсер и полторы тысячи немецких моряков.

Осло захватили немецкие десантники. После беспощадной бомбардировки небо расцвело парашютами. Десантные группы высаживались с самолетов прямо на крыши укреплений...

Но норвежский король упрямо не хотел сдаваться. Он бежал в горы вместе с правительством и призвал народ к сопротивлению. В одну из редких тогда встреч с Кобой я переводил ему статью из «Таймс». В ней рассказывалось, как немецкие самолеты превратили в горящие обломки деревню, где, по их расчетам, находился король. На самом деле он вместе с правительством отсиживался в горах, в лесу. На этом лесном заседании кабинета король сказал: «Если правительство сочтет нужным принять немецкие условия капитуляции, чтобы избежать войны, в которой нашей молодежи

придется отдавать свои жизни, тогда мне придется отречься. Ибо согласиться сотрудничать с врагом я не могу».

Коба выслушал и промолчал.

В следующий раз я увидел Кобу через пару месяцев.

К этому времени Гитлер добился потрясающих успехов. В конце апреля английская бригада, усиленная французами, высадилась в Норвегии. И сразу попала в отчаянную ситуацию. Корабль, нагруженный английской артиллерией, немцы отправили на дно.

Англичане остались с винтовками и пулеметами против немецких орудий и танков. После двадцатичетырехчасового боя под непрерывной немецкой бомбежкой они эвакуировались из Норвегии.

– Говорят, – усмехнулся Коба, – твоему храброму королю пришлось драпать на английском пароходе.

На этот раз промолчал я...

Коба поспешил поздравить Гитлера с «успешными оборонительными действиями в Скандинавии».

«Оборонительные действия» немцев в Дании прошли еще успешнее.

Перед рассветом немецкий транспорт с одним батальоном и техникой преспокойно прошел мимо береговых батарей и вооруженного до зубов форта. Форт охранял вход в гавань. Датские вояки в форте мирно почивали, когда немецкий ко-

рабль пришвартовался в пятидесяти метрах от штаба датской армии и в трехстах метрах от королевского дворца. Оба объекта были захвачены без малейшего сопротивления.

Дания – равнинная страна, и семидесятилетнему королю бежать было некуда.

Король сказал немецкому генералу, что он сделает все возможное, чтобы сохранить мир между немцами и его народом.

Вскоре Коба позвал меня переводить очередную кинохронику, присланную Гитлером, – о захвате Норвегии и Дании.

На экране показывали ирреальную войну, похожую на стремительную туристическую прогулку. Только «туристы» мчались на танках и спускались на парашютах – убивать. И вешали флаги со свастикой на домах, а людей – на виселицах.

Просмотрев фильм, Коба остался... доволен! Я с изумлением понимал, что он всерьез воспринимает Гитлера как надежного союзника. Он объявил неожиданное:

– Теперь англичане и французы не нападут на нас из Скандинавии.

Мой великий друг будто ослеп, не осознавал, что из-за разгрома Польши и войны с финнами мы и Гитлер стоим друг против друга от Черного моря до Северного. И после победы в Скандинавии немцы нависают над нашей северной границей. Благодаря Финской войне у нас под боком, неда-

леко от Ленинграда, вместо нейтральной Финляндии – ненавидящий враг.

Вместе с Кобой в тот вечер смотрели фильм Берия и Молотов, и поговорить с ним о себе мне не удалось. Я попросил Кобу назначить личную встречу.

– Встретимся как-нибудь, – сказал он насмешливо. И отошел.

Гитлер продолжал поедать Европу. Как он обещал еще в двадцатых годах в «Майн Кампф», он решил уничтожить ненавистную Францию...

Накануне вторжения во Францию, когда немецкая армада двигалась к западной границе, Коба писал в «Правде» (вернее, велел написать): «Народам ныне стало ясно, какую ответственность взяли на себя твердолобые империалисты, отвергнув в свое время мирные предложения Германии и развязав войну в Европе...»

После такой беспардонной лжи как находить либералов, готовых стать нашими агентами из идейных соображений?!

Информатор сообщил мне окончательную дату нападения Гитлера на Бельгию, Голландию и Францию. Впрочем, ее знали все западные разведки. Правительства заинтересованных стран были предупреждены.

Но если Бельгия и Голландия были просто беззащитны, то Англия и Франция оказались совершенно не готовы к немецкому нападению.

Британия занималась перестановками в правительстве (тучный человек с вечной сигарой в зубах – Уинстон Черчилль сменил там жалкого Чемберлена), Франция пребывала в состоянии непонятного спокойствия.

Я сообщил о готовившемся нападении Кобе. Коба снова... был доволен. Сказал, что «сейчас капиталисты обескровят друг друга в беспощадных сражениях, а мы пока воспользуемся военными действиями – получим с мерзавца новую плату за сотрудничество».

События развивались по иному сценарию, все с той же нереальной, пугающей быстротой. Войска Гитлера повторили великолепный польский блицкриг. Уже не с жалкой польской армией, но с французской, считавшейся недавно сильнейшей в мире, он показал, что такое самая исполнительная в мире армия при диктатуре.

Началось все 10 мая сорокового года. Посол Бельгии и посланник Нидерландов были вызваны в немецкое Министерство иностранных дел. Им сообщили уже знакомое датчанам и норвежцам: «В связи с возросшей угрозой нападения англофранцузских войск и для защиты нейтралитета вашей страны от англо-французской агрессии...» и так далее.

В это время германская армия уже перешла границу Бельгии, и немецкие бомбардировщики уничтожали самолеты на аэродромах.

Это была поистине невероятная шестинедельная война. (Хорошо помню поразивший меня и конечно же Кобу фантастический срок – шесть недель на завоевание Франции, Бельгии, Голландии...)

Молниеносным рывком через покрытые лесом Арденны Гитлер обошел неприступную французскую оборонительную линию Мажино. Моторизированные колонны немцев устремились к Ла-Маншу. Они разрезали пополам англо-французскую группировку, голландские и бельгийские войска капитулировали. Судьба Франции была решена.

Теперь против Гитлера оставалась одна Англия. Маленький остров против захваченного Гитлером целого материка.

Черчиллю было шестьдесят пять лет, когда он возглавил окруженный неприятелем обреченный остров.

Он был стариком, но, как писал один из кембриджских агентов: «Это слово никогда не придет вам на ум. Ибо Черчилль не человек, это – электростанция. Он может один выдуть бутылку виски, сожрать невероятное количество мяса, причем непременно на ночь. Он спит пару часов... если вообще спит. Любой молодой человек от такого режима отправился бы на тот свет... этот становится только здоровее. Вчера в парламенте он сказал: “Все, что могу я вам предложить, это кровь, тяжкий труд, слезы и пот...” Но при этом чаще всего повторялось слово “Победа”! Он произнес как заклинание: “*Победа*, которой мы добьемся любой ценой. *Победа*,

невзирая на любые ужасы войны. *Победа*, какой бы трудной ни была к ней дорога...» Теперь всюду, где бы он ни появлялся, его правая рука поднята в приветственном жесте с двумя пальцами, раздвинутыми буквой “V” (victory). Он сделал этот жест самым модным на острове!»

В июне, когда Гитлер вошел в Париж, Коба начал предъявлять ультиматумы.

Коба был стремителен в ультиматумах так же, как Гитлер – на полях сражений.

Захват Парижа мой друг отметил ультиматумами в Прибалтике. Он потребовал создания дружественных правительств в Литве, Латвии и Эстонии. Прибалтика капитулировала.

Когда немецкие войска шли по Парижу, наши войска без всяких боев вступили в прибалтийские страны.

Вместе с ними приехали «суровые парни» (слова Кобы) – наши эмиссары: Жданов – в Эстонию, Вышинский – в Латвию, Деканозов – в Литву.

Новые народные (коммунистические) правительства, созданные под надзором «суровых парней», тотчас распустили прежние парламенты. Вновь избранные народом (под контролем войск и опять же «суровых парней») парламенты примут постановление о вхождении в СССР...

Из Прибалтики потянулись эшелоны с арестованными

«врагами народа»...

У меня до сих пор хранится вырезка из «Правды» – «Солнце сталинской Конституции бросает благодатные лучи над новыми народами...»

Коба торжествовал. Я застал его с бумагой в руках. Это было донесение агента Берии из Рима.

– Ревнует товарища Сталина фашист Муссолини, – сказал Коба. – Жалуется Фюреру: «Не участвуя в войне, Россия получила большой выигрыш в Польше и Прибалтике. Я, прирожденный революционер, говорю вам: “Вы не можете жертвовать принципами вашей революции из тактического момента. Еще один подобный шаг – и он будет иметь катастрофический отзвук в Италии”...» Оказывается, неглуп знакомый тебе товарищ Сталин. И шаг... точнее, шаги еще будут. Много шагов! – усмехнулся Коба.

Подписание Францией капитуляции в Компьене Коба отметил также весьма своеобразно.

Графа Шуленбурга разбудили и доставили в Кремль к Молотову в два часа ночи. Он очень хотел спать, но сон пропал, когда Молотов сообщил ему, что мы предъявляем ультиматум Румынии. Молотов с обычным непроницаемым лицом пояснил: мы требуем не только вернуть принадлежавшую царской России Бессарабию (что было предусмотрено секретным протоколом), но и передать нам Буковину (никогда нам не принадлежавшую, о которой в протоколах ничего

не говорилось)...

Зачитав текст, Молотов сказал, что Коба просит Фюрера поддержать нас в наших действиях по захвату бессарабской нефти и куска румынской территории.

На следующий день пришла очередь не спать румынскому послу. 26 июня, в два часа ночи, ему вручили ультиматум, подкрепленный выдвижением группировки наших войск к границам Румынии.

Ввод советских войск в Румынию – один из главных источников нефти для вермахта – в разгар битвы с Англией был бы катастрофой для Гитлера. Он уже понял: Сталин никогда не уйдет оттуда, куда вошли его солдаты.

Как сообщил агент, Гитлер устроил истерику и проклинал Кобу.

Но пришлось ему заставить Румынию принять ультиматум. Правда, вместо всей Буковины Риббентроп упросил Кобу занять лишь ее северную часть. Коба согласился. На следующий день после принятия Румынией ультиматума наши войска вошли на приобретенные территории.

К сорок первому году мой великий друг восстановил почти всю империю Романовых. Оставалась одна Финляндия. Такую плату взял Коба за свою странную слепоту.

Только в конце июня я сумел вновь увидеть его.

Коба смотрел в Кремле очередной подарок Гитлера – кинохронику о разгроме Франции. Я переводил.

Молодые волки на танках, распеваяющие фашистские песни. Все те же жесточайшие бомбежки крупных городов, десанты, низвергающиеся с неба. Торжество блицкрига во всей его красе.

Венцом была церемония подписания французами капитуляции, явно разработанная самим Гитлером.

В Компьене, под Парижем, где в Первую мировую войну французский генерал Фош заставил немецкое командование подписать позорные условия перемирия, находился музей Французской славы. В музее стоял тот самый вагон, где было заключено унижительное для немцев перемирие...

На экране вереница бронированных «мерседесов» въезжала в Компьен. Гитлер в сопровождении Геринга, Браухича, Кейтеля, Риббентропа и Гесса... Они выходят из своих автомобилей, рассматривают монумент: огромный меч победоносных союзников пронзает орла – германскую империю Гогенцоллернов. Гитлер читает вслух надпись на граните: «Здесь 11 ноября 1918 года была сломлена преступная гордыня германской империи, побежденной свободными народами, которые она пыталась поработить». Гитлер смеется в камеру. Отходит от монумента, всем своим видом показывая презрение.

Затем он и его свита входят в тот самый мемориальный вагон, куда уже доставили французов подписывать нынешнюю капитуляцию. Французы явно не ожидали такой вели-

колепной постановки позора. Они подавлены, растеряны... И, сидя в кресле победителя – французского генерала Фоша, Гитлер принимает капитуляцию Франции.

После чего отправляется в завоеванный Париж. Осматривает Гранд-Опера, подъезжает к Елисейским Полям. Затем – остановка возле Триумфальной арки и могилы Неизвестного солдата... И конечно же Собор инвалидов, где Гитлер долго стоит перед саркофагом Наполеона. Растроганные слова в камеру: «Я всю свою жизнь мечтал посетить Париж. Не могу передать, как я счастлив, что моя мечта сбылась».

(Как сообщил мой агент, Гитлер провел в Париже всего три часа. Он сказал своему любимому архитектору Шпееру: «Когда мы закончим свои строительные планы в Берлине, Париж станет жалкой тенью. И тогда мы разрушим столицу презренных лягушатников».)

Просмотр окончился. Коба не произнес ни слова. Он был мрачен. Вместо истощающей войны с Францией – невероятно легкая победа Гитлера. Теперь ему оставалось добить одинокую Англию и стать абсолютным властелином Европы. После этого мы окажемся с ним один на один. Один на один с яростным Гитлером, возмущенным хитростями Кобы. Мой информатор писал мне: «Гитлер в бешенстве от appetитов Сталина, он кричал: “Марксистский ублюдок нагло воспользовался нашей трудной ситуацией! Пока мы платим кровью и подвигами за новые территории, негодяй придумал полу-

чать их даром. Пусть забирает. Мы очень скоро вернем все это!”»

По окончании кинохроники я процитировал Кобе это до-несение агента, опустив «ублюдка» и «негодяя». Он выслу-шал. Строго сказал:

– Гитлер – наш союзник, и никуда ему не деться от этого союза. На два фронта ему не справиться, а он хочет прогло-тить весь Запад. Как известно, Англия пока сопротивляется. Понятно? Все! Свободен!

Я опять не поговорил с ним о себе.

Между тем Кобе следовало насторожиться. Ибо после за-воевания Франции неожиданно был предложен мир Англии. Гитлер объявил: «Я не вижу причин, по которым эта долгая война должна продолжаться. Мне было бы печально увидеть жертвы, которых она потребует».

Гитлер явно давал Англии возможность сыграть роль СССР перед войной с Польшей.

Но это означало, что роль Польши отводилась... нам?!

В это время агент сообщил: Гитлер не только заговорил о мире с Англией, он говорит об СССР как о своем последнем и главном враге... Он даже сформулировал: *«СССР – это Клондайк нефти и хлеба, Англия – пустой ящик с дождем».*

Я позвонил Кобе и попросил о срочной встрече. Коба сно-ва принял меня в присутствии Берии. Я доложил о получен-ном сообщении.

– Твой источник, конечно же, английский шпион... – Коба молча походил по кабинету. – Гитлер никогда не заключит мир с Англией хотя бы потому, что Черчилль никогда не пойдет на это. Упрямый пьяница решил воевать до конца. Решительный империалист. Почитай вслух, Фудзи, – и он передал мне лист бумаги. Это был переведенный кусок речи Черчилля. – Читай! Читай вслух!

Я прочел:

– «Пусть мы сражаемся одни. Но здесь, в Лондоне, неприступном городе-крепости, окруженные морями и океанами, на которых царствует наш флот, защищенные мужеством и преданностью наших летчиков, мы неустрашимо ждем угрожающего нам нападения. Мы будем стоять до конца. Мы будем сражаться на подступах к нашей земле. Мы будем сражаться в полях, на улицах и в горах. Мы никогда, никогда не сдадимся».

– Это не риторика. Английский флот по-прежнему контролирует моря. Английский бульдог вцепился и не отпустит... пока не потеряет свой остров! Вот почему мы все еще позарез нужны Гитлеру. Вот почему немцы сейчас ведут с нами важнейшие переговоры, уговаривая вступить в Тройственный Союз. Мы просим за это проливы Дарданеллы и Босфор. И получим! И тогда Черное море наконец-то станет нашим внутренним морем. – (Гитлер уже делил шкуру неубитого медведя – английскую империю.) – Но Гитлеру не хочется нам все это отдавать. Чтобы мы стали уступчивее,

пугает нас нападением. И делает это через твоих агентов, Фудзи. Короче, запомни: немцы – наши друзья, а Черчилль – наш враг. – И, усмехнувшись, как-то значительно добавил: – *Сегодня.*

(Я понимал, что Коба говорил это не для меня. Он убеждал себя... ибо на карту была поставлена страна и его судьба. И некий *завтрашний* план. Этим выразительным «*сегодня*» он хотел нам это сказать.)

– Еще какие у тебя вопросы, Фудзи? – спросил тогда Коба.

– За мной по-прежнему следят. И я по-прежнему хотел бы знать – почему?

Коба промолчал. И тут Берия, усмехаясь, принял эстафету:

– Кто-то сообщил негодяю Троцкому о том, что будет нападение. Как ты думаешь, товарищ Фудзи, кто это сделал?

– Да кто угодно. Ведь с кем болтали и спали Каридад и ее красавчик-сын, мы не знаем!

Берия сухо возразил:

– Мы о них знаем все, они не болтали. Нехорошо получается. О встрече с Гитлером, известной тебе, узнают в Америке... И об этой операции, известной единицам, среди которых опять же ты, также узнает враг.

– Негодяй ты, Лаврентий Павлович, вот что я отвечу.

– Если он негодяй, значит, хорошо работает, – засмеялся Коба. – Не знаю, как тебе, Лаврентий, а мне кажется, что товарищ Фудзи решил, будто его нельзя тронуть, ведь он друг

товарища Сталина. Действительно, это так. Но у товарищей евреев есть поучительная легенда об Иуде – друге-предателе. – И, вздохнув, спросил: – Что будем делать, Лаврентий? – Надо арестовать, Иосиф Виссарионович.

– Но у него семья... жена Нанико. Маленькая дочь. – Коба изобразил раздумье. Сказал: – Дочь не трогай... отправь к бабке в Грузию. Или в детский дом? Нет, пусть едет к бабке. Все-таки Фудзи – наш земляк... Второй вопрос: за что его судить? Судить, как немецкого шпиона, нельзя – Гитлер обидится. Надо его судить как английского шпиона. Тем более что это правда! Постарайся, Лаврентий, чтобы он признался... но не переусердствуй, не забывай – мы с ним уже старики. Да и грузинская родня замучает нас. У него ведь тысяча родственников! – Коба снова засмеялся. – Ай, ай, Фудзи, да ты испугался?! Шутки перестал понимать. Ладно, иди. – И уже в дверях: – Но он молодец, твой сукин сын.

Я уставился на него в недоумении.

– Черчилль, для которого ты шпионишь. Узнав, что французы капитулируют и передают свой флот немцам, беспощадно расстрелял их корабли! Полторы тысячи вчерашних союзников положил –, и обратился к Берии. – Об этом, Лаврентий, Фудзи первым рассказал с восторгом. Он все мне рассказывает про своего Хозяина. С началом налетов Черчилль залезает на крышу и демонстративно-спокойно курит сигары. Нет, Фудзи, ты прав, твой Империалист попортит немцам много крови. Он настоящий сукин сын! Так и пере-

дай ему.

Мне седьмой десяток, я грузинский старик, но он постоянно делал из меня шута.

Я возвращался домой в ярости. Потом ярость прошла, и остался... страх. Я ведь точно знал: он *не* шутил. Он посадит! И скоро!

Некоторое время он меня не звал. Иностранные фильмы переводил его главный переводчик Павлов.

Гитлер зверски бомбил Лондон, одновременно призывая к миру своих сторонников в Англии: «Не ждите, пока Черчилль удерет в Канаду, надо свергнуть его сейчас и заключить мир. Ваш Черчилль – безумный вечно пьяный идиот, ибо только слабоумный решится сражаться с Германией в одиночку».

Угрожал высадкой десанта. Черчилль в ответ пообещал немцам, коли они высадятся, великую резню и газовые атаки на острове.

Что задумал Коба

Коба велел мне переводить английские газеты. Помню восторженные сообщения о том, как английские самолеты беспощадно бомбили Берлин. То, что уже пережила вся Европа, увидела наконец и столица Рейха. Это стало шоком для немцев: впервые после 1914 года война опять пришла в Германию.

В ответ взбешенный Гитлер предпринял невиданную бомбардировку Лондона. Гигантский столб огня поднялся над столицей. Последовали новые ночные налеты – непрерывный бомбовый террор. Но англичане стояли насмерть. В этих массированных налетах на Лондон десятки немецких машин сгорели в лондонском небе.

Английские налеты на Берлин продолжались.

Через какое-то время мой агент сообщил, что Гитлер дал секретнейшую директиву: «Прекратить готовить вторжение в Англию, но продолжать изображать его подготовку и непрерывные бомбежки как средство давления». Теперь Гитлер беспрестанно заявлял: «Англичане рано или поздно убедятся, что с нами бесполезно воевать и лучше встретиться и договориться о мире. Я буду великодушен. Я не хочу уничтожить британскую империю. Я желаю мира».

Он сражался с островом уже одной рукой и явно торопился освободить другую. Можно не спрашивать, для чего, ведь

кровавый безумец не мог не воевать!

Я не понимал тогдашней беспечности Кобы! Неужто мой никому не веривший друг всерьез доверился «союзнику Гитлеру»?

Кажется, именно в тот момент был назначен новый британский посол в Москве.

Коба принял его, как обычно, ночью...

На следующий день он позвал меня. В кабинете находился Молотов. Видимо, они обсуждали вчерашний прием.

– Твой хозяин Черчилль прислал к нам левака-лейбориста. Угождая моим вкусам, скрепя сердце, послал его империалист Черчилль, мечтавший когда-то нас задушить. Но теперь его самого душит товарищ Гитлер, и империалисту очень нужен товарищ Сталин. Так что твой хозяин через своего посла пугал нас горькими предположениями о возможной агрессии Германии против СССР. Значит, Вячеслав, мы дадим пряник немцам. А то они расстроены после Буковины. Пошлешь им памятную записку. Пиши... «Новый английский посол господин Криппс убеждал нас, что Германское правительство стремится к гегемонии в Европе... и что нам вместе с Англией нужно выработать общую политику защиты от Германии. В ответ товарищ Сталин сказал... Двое-точие... кавычки... Я слежу за политикой Германии, хорошо знаю нескольких ее деятелей. И не обнаружил с их стороны ни малейшего желания поглотить европейские страны. –

(Это после захвата всей Европы!) – Я не считаю, что военные успехи Германии представляют угрозу СССР и дружественным отношениям с Рейхом...» – с усмешкой диктовал Коба.

Получив эту памятную записку и сердечно поблагодарив Кобу, 31 июля 1940 года Гитлер созвал совещание в Бергхофе. О содержании его речи я узнал уже после войны: «Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнет Россия, то Америка отпадет. Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Вывод: в соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года. Операция будет успешной, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком».

В это время мои агенты сообщили, что в Польше к нашей границе перебрасываются десять пехотных и две танковые дивизии.

Прежде там стояло всего семь дивизий (остальная армия была на Западе). Парадокс, но нам тогда был открыт путь на Берлин – так Гитлер верил Кобе. И вот...

Не успел Коба задуматься, как Шуленбург информировал Молотова, будто в Польше происходит замена возрастных контингентов, старые солдаты сменяются молодыми.

– Ну вот, – сказал Коба. – Опять оплошал твой агент.

Почему они размещаются теперь у нашей границы, я

спросить не решился.

Однако отношения с Германией явно становились напряженнее.

И в ноябре все того же сорокового года Коба отправил Молотова в Берлин.

Помню, в темном зале обычного кинотеатра я смотрел кинохронику, которую всегда показывали перед художественным фильмом... Берлинский вокзал, Молотов выходит из поезда – мягкая шляпа, интеллигент в пенсне. На перроне у поезда ждут «наши друзья» – Риббентроп, Гиммлер. Выстроился почетный караул... И вот уже советского наркома Молотова торжественно принимает Гитлер.

Коба был прав. Зал не удивлялся. Зал давно отвык обсуждать виденное и окончательно забыл, что такое негодовать.

Визит Молотова проходил в самой дружеской атмосфере – обсуждали возможность СССР присоединиться к Тройственному Союзу (Германии, Италии и Японии) и наше участие в нападении на Англию. А также план раздела владений Британской империи после поражения Англии.

Англичане знали тему переговоров, хорошо подготовились к ним и постарались доказать, что рано делить шкуру неубитого медведя...

Сперва все шло гладко. В честь нашей делегации Гит-

лер дал завтрак в Рейхсканцелярии. Дальнейшее описал мой агент.

Молотов устроил ответный прием в нашем посольстве. Среди высоких гостей присутствовали сопровождавший Молотова заместитель Берии Меркулов и рейхсфюрер СС Гиммлер. Так встретились руководители СС и НКВД.

Открывая торжество, Молотов поднялся и предложил тост за Риббентропа, и в этот момент завывли сирены. Началась воздушная тревога!

При первых звуках сирены пугливый Риббентроп буквально выскочил из-за стола. За ним – остальные. Пестрая толпа наших и немецких чиновников понеслась по Унтер-ден-Линден. Они шустро свернули за ближайший угол – там находилось бомбоубежище немецкого МИД.

В тот день Черчилль продемонстрировал Кобе: англичане не только выстояли, они зверски бомбят Берлин.

В бомбоубежище Риббентроп как ни в чем не бывало попытался продолжить делить английские колонии. Сверху доносились непрерывные оглушительные звуки разрывов мощных бомб. Глупец не нашел ничего лучше, чем сказать:

– Все эти бомбы не стоят внимания, господин Молотов. С Англией, считайте, мы покончили.

– Тогда почему мы здесь сидим? – усмехнулся Молотов.

По возвращении Молотов без комментариев описал всю сцену.

– Остроумный человек, товарищ Молотошвили, – сказал Коба. – Но стоит ли народному комиссару иностранных дел сердить нашего союзника? – Он подмигнул – дескать, конечно, не стоит, но ты молодец, так им! После чего добавил: – Мне тут немецкий посол с негодованием поведал слова Империалиста. Оказывается, сукин сын Черчилль запрещает своим летчикам бомбить жилые кварталы Берлина, они бомбят только военные объекты. Нет, не из человеколюбия! Империалист сформулировал: «Сначала – дело, а удовольствие – потом...» Удовольствие – это бомбы на головы домохозяек! Каков! Жестокий человек! Но другим в нашем веке нет места в политике.

И в глазах – восхищение! Пожалуй, тогда я понял: Черчилль ему не просто нравится. Мой друг уже что-то обдумывает.

Во второй половине декабря сорокового (кажется, это было девятнадцатого, но проверьте) я получил самое сенсационное сообщение агента. «Вчера в Рейхсканцелярии Гитлер подписал директиву № 21». И описание директивы.

Это был план молниеносной войны против СССР. План операции, которая сначала разрабатывалась под именем «Отто», а теперь получила новое название – «Барбаросса».

Уже на следующий день Ефрейтор прислал большую цитату из последнего доклада Гитлера: предполагалось немецкое наступление на гигантском фронте в полторы тысячи километров. Первые цели – отторжение от СССР житниц

Украины и нефтеносных районов на юге. Венцом операции Гитлер считал захват Москвы, что «означает экономическую и политическую победу, не говоря уже о падении самого важного железнодорожного узла страны». «Приготовление к операции следует закончить к 15 мая 1941 года. Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советы в ходе кратковременной кампании...» Гитлер закончил докладывать словами: *«Когда начнется план “Барбаросса”, мир затаит дыхание... и промолчит».*

Как всегда в подобных случаях, я тотчас позвонил Кобе, попросил встречи в связи с важными обстоятельствами.

– Опять важные и чрезвычайные? Может, ты хочешь сообщить о «Барбароссе»? – он засмеялся (значит, до меня сообщили!). – Ты мне надоел, старый мудака. Занимайся лучше своими бумажками в Наркомате. – (Мне поручили читать отчеты наших послов.) – И зазубри: Гитлер – наш союзник и на нас не нападет. – Гудки в телефонной трубке.

Итак, он все знал! Скорее всего, от Берии. Или от вернувшегося из Берлина Молотова. Должно быть, во время визита сами немцы ему тогда сказали. На случай, если мы узнаем. И наверняка сказали все то же: дескать, «Барбаросса» – план для англичан, чтобы усыпить их бдительность, ослабить сопротивление.

Наступил новый, 1941 год. Встречали опять дома, по-се-

мейному. Нежность к Нанико... Я последнее время спал только с любовницами. Но в ту ночь снова был с женой. Будто чувствовал: скоро мы не будем вместе.

Она сказала:

– Думала, уже никогда не случится этого. – И заплакала.

В начале марта я получил очередное сообщение из Берлина: «Гитлер намечает на весну нападение на СССР. Фюрер сказал, что должен торопиться, *ибо Сталин готовит нападение на Германию*».

Я рассказал об этом Кобе. Он ничего не ответил, только пожал плечами.

Между тем в наших отношениях с Германией продолжалось похолодание. Гитлер ввел немецкие войска на территории Румынии, Финляндии и Болгарии, естественно, по просьбе этих стран. Они стояли теперь у наших границ, и немецкие самолеты стали регулярно нарушать их.

В апреле состоялось удивительное событие. В Москву приехал японский министр иностранных дел Мацуока – заключить договор о нейтралитете. До этого, как известно, на наших восточных рубежах не раз возникали военные конфликты с японцами. Японцы долго вели безуспешные переговоры с Кобой. Мацуока то покидал Москву, то возвращался. Кажется, они хотели получить нашу часть Сахалина или для начала взять ее хотя бы в аренду, точно не помню. Но

помню, что Коба – ни в какую! Мой друг не умел отдавать. К тому же он отлично знал, что нужен японцам. Как и Гитлер, они не желали и не могли вести войну на два фронта. Им важен был мир с могучим соседом – СССР. Им требовались свободные руки – чтобы начать захватывать колонии Англии, Франции и Голландии в Юго-Восточной Азии и, конечно, американские Гавайи.

Договор о нейтралитете был подписан.

13 апреля Мацуока уезжал. Коба устроил ему беспрецедентные проводы.

Мацуока прогуливался по перрону вместе с Шуленбургом, немецкими и японскими дипломатами, когда на перроне появились Коба и Молотов.

Коба подошел к немцам, дружески положил Шуленбургу руку на плечо. И, приобняв посла, проникновенно сказал: «Мы должны оставаться друзьями, и вы обязаны сделать для этого все!» Обласкал Коба и немецкого военного атташе...

После чего все прошли в вокзальный ресторан. Здесь он поднял тост за дружбу трех наших стран. Тостов было много. Молотов и Коба «на дорожку» так напоили японского министра, что в вагон его вели под руки. Отправление поезда задержалось на час...

Я прочел об этом в газетах в Швейцарии, куда ездил на встречу с агентом. Газеты были уверены, что Коба заискивал перед Гитлером.

Я знал Кобу. Он слишком заискивал, *значит, что-то готовил.*

В апреле я начал получать регулярные донесения агентов об одном и том же.

2 апреля информатор писал: «Гитлер весной вторгнется в СССР».

14 апреля: «Нападение произойдет, но после разгрома Югославии и Турции».

Однако периодически Гитлер ловко сбивал напряжение.

24 апреля тот же агент сообщил: «Гитлер отказался от вторжения в СССР».

Каким радостным выглядел Коба! Вместе с Молотовым в тот вечер посетил любимый Большой театр.

30 апреля: «Нападение – дело решенное».

Коба насвистывал любимую «Сулико», когда 4 мая поступило сообщение: «План нападения на СССР отменен».

Но он уже ничего не пел 9 мая, когда мой агент доложил: «Нападение отнесено на середину месяца».

16 мая я получил очередное известие: «К нападению все готово».

Все это время военные сообщали Кобе о беспрецедентной концентрации немецких войск на нашей границе.

Кажется, именно тогда отправился в Берлин посол Шуленбург. Как сообщил мой информатор, на встрече с Гитле-

ром он горячо убеждал того в миролюбии Кобы. Гитлер сказал: «Сталин азиат, от которого всегда надо ждать подвоха. Сталин наполовину – животное, наполовину – гигант. Он готовит войну и сожрет Европу, как во времена гуннов».

Шуленбург возражал: «Сталин не пошел против нас с Англией и Францией, когда они были сильны. С кем ему идти сейчас против нас, когда они разгромлены, а сильны мы? Сталин хочет мира и готов пойти на всяческие уступки».

Гитлер промолчал.

5 мая Коба держал речь перед выпускниками военной Академии, молодыми командирами Красной Армии. Речь была только для внутреннего пользования и не публиковалась. В «Правде» печатали лишь выдержки. Эта речь меня изумила. Я отлично понимал: содержание ее Гитлер наверняка узнает.

Не мог не понимать этого и Коба.

Тогда зачем он ее произнес?

В середине мая я получил, должно быть, самое важное донесение из Берлина. Это была «аналитическая сводка», составленная для Гитлера. Привожу ее в своем пересказе.

«Сразу после заключения пакта о ненападении Сталин начал готовиться к войне с Рейхом. Именно тогда по личному его указанию стал разрабатываться план мобилизационного развертывания Вооруженных Сил СССР. Главное сосредоточение усилий планируется на Западном фронте. В Поле-

вом уставе 1939 года Сталин велел написать: “Красная Армия будет самой *нападающей* из всех когда-либо нападавших армий”. С момента заключения пакта лихорадочно наращиваются вооружения и разворачиваются новые и новые дивизии у нашей границы. Мощнейший военный кулак создан на границе с нашим союзником Румынией. Удар готовится по жизненно важным для промышленности Германии нефтяным районам. В феврале этого года состоялась партийная конференция, на которой Сталин велел увеличить объем военной промышленности на 17–18 процентов. На территории Кремля, в Москве и в городах европейской России срочно строятся бомбоубежища, Сталин приказал вести работы круглосуточно. В начале мая он выступал перед выпускниками военной Академии – командирами Красной Армии. На банкете произнес маленькую речь. “Дело идет к войне, и противником будет Германия. Теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, – теперь надо перейти от тактики обороны к наступлению...” и т.д. Вместо этой подлинной речи главная газета большевиков “Правда” напечатала краткий ложный отчет. Разработан сверхсекретный проект создания Ставки Главного командования. 15 мая в войска была направлена директива Политуправления: “Иногда дается ложное толкование о войнах справедливых и несправедливых. Якобы, если страна первой напала на другую и ведет наступательную войну, то эта война считается несправедливой. И

наоборот: если страна подверглась нападению и лишь обороняется, то такая война якобы должна считаться справедливой. Они искажают главную истину: *всякая война, которую будет вести Советский Союз, будет справедливой*. Многие политработники забыли указание Ленина: “Как только мы будем достаточно сильны, *чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот*”».

В конце этой аналитической сводки подведен итог: Россия собирает силы для будущей войны с Германией. Германия должна поспешить.

Вот тогда, читая эту сводку, я окончательно понял: заключая пакт с Гитлером, Коба толкал его на новые завоевания. И пока Германия разоряла и уничтожала капиталистическую Европу, Коба получил время подготовиться к Большой войне... с Гитлером. Коба был уверен, что Гитлер увязнет в европейских войнах, и, как в наших детских играх, подготовившись к войне, Коба внезапно нападет на него. Победив Гитлера, он станет освободителем Европы. И тогда на очереди – «СССР всей Европы»! А дальше – «только советская нация будет, и только советской нации люди», как обещал поэт. Великая мечта Ленина, мечта всех убитых им большевиков станет явью. Вот что задумал мой великий друг!

Но даже великие шахматисты допускают великие ошибки. Вместо Германии, которую должны были обескровить войны с европейскими странами, с нами теперь граничила мощней-

шая Германская империя, поглотившая всю Европу и заставившая ее трудиться на себя. И желающая нас уничтожить! Если Коба выполнял свой план перевооружения на сто процентов, то Гитлер, благодаря миру с Кобой, – на тысячу!

Теперь Коба старался изо всех сил отсрочить столкновение с Гитлером.... продолжая тайно готовиться к неминуемой в будущем войне. Но если тайно, то возникал этот вопрос: зачем он произнес ту речь перед выпускниками военной Академии?

Когда я увидел его на следующий день, он уже все знал про аналитическую сводку (агенты Лаврентия отлично работали). Взглянул на меня и, как часто бывало, усмехаясь, ответил на мой немой вопрос:

– Зачем была речь на выпуске Академии? Чтобы гадал сукин сын Фюрер, как и мы гадаем: а вдруг нападем? Чтобы жизнь ему масленицей не казалась! Чтобы не он один нас пугал, но и мы его немножко попугали. Я ему письмо думаю написать. Рассеем страхи товарища Фюрера. Но и о своих страхах спросим его...

Мой агент вскоре сообщил, что Фюрер получил письмо от Кобы. О содержании узнать не удалось.

В мае пришло сообщение от нашего агента в Японии – некоего Зорге. Этот Рихард Зорге – тайный член немецкой компартии, внук сподвижника Маркса. Он работал в Япо-

нии под видом нацистского журналиста и регулярно постав-
лял нам разведывательную информацию. Зорге писал, что
Гитлер определил окончательно срок нападения на СССР –
июнь. И просил меня лично передать это товарищу Стали-
ну. Он уже сообщал об этом в Центр, но у него сложилось
ощущение, что ему не доверяют и его сообщения Сталину
не передают.

Я позвонил Кобе. Он велел приехать на Ближнюю дачу.

В домике, где стоял бильярд, Коба молча гонял шары.

Берия и Молотов сидели около стола рядом и чинно слу-
шали сообщение из черной тарелки радио, прикрепленной
на столбе у двери. Немецкие войска высадились на Балканах.
Гитлер напал на Грецию и Югославию...

Я сел рядом с ними.

– Надо сказать соответствующим товарищам: поменьше
таких сводок по радио. Не следует нервировать советский
народ сообщениями о войнах, – обратился Коба к Берии,
продолжая гонять шары. И потом ко мне: – Ну, что у тебя
стряслось?

Я рассказал о Зорге.

– Как ты понимаешь, его сообщения мне передают тотчас.
Думаю, сам Зорге отлично это знает. Знает он также, почему
ему не следует верить. У него жена – шпионка, арестована...
дала показания, сам он отказался вернуться в СССР.

– Какая же у вас память, Иосиф Виссарионович, – заметил

Берия.

Он никогда не стеснялся льстить. Как сам потом объяснял мне: «Здесь не бывает “пере”, бывает только “недо”».

– Твердая память, Лаврентий. И поэтому зададим вопрос: «Должен ли товарищ Сталин верить человеку, отказавшему вернуться на Родину? Жена которого – разоблаченный враг народа?» Кстати, империалист товарищ Черчилль упорно сообщает мне о том же – повторяет этого самого господина Зорге. Но что же мы видим? Скоро наступит лето, а Гитлер... вдруг начал войну на Балканах! Когда ж ему на нас нападать? Если он на Балканах, то на нас сможет напасть *не ранее конца лета*. Значит, Гитлер должен подготовиться к русской зиме. Значит, ему уже сейчас пора шить зимние тулупы. Для этого нужны бараньи шкуры. Тулупов потребуются миллионы.... А это значит – массовый убой скота, и цены на баранье мясо должны резко пойти вниз. Но резко вверх – цены на бараньи шкуры. Я попросил Лаврентия узнать... Ну и как у нас обстоит с этим, Лаврентий?

– Ничего похожего, – с готовностью ответил Берия, – все как обычно.

– Из этого даже наш мудак Фудзи сумеет сделать правильный вывод...

Он еще погонял шары, потом сказал:

– Неужели не ясно, куда метит Гитлер? Захватив Грецию, он оттуда уничтожит англичан в Египте, затем – марш в Индию, что будет означать конец британской Империи... Вот

чего бояться господ империалисты, желая столкнуть нас с Гитлером, остановить Гитлера нашими руками. Вот для чего подбрасывают ложную информацию, а болван Фудзи нас ею кормит. Товарищ Сталин – марксист и потому уважает экономику. Он спрашивает: может ли Гитлер воевать с несколькими странами, чей потенциал в сумме несоизмеримо больше потенциала Гитлера?

– Не может, товарищ Сталин, – ответил Берия.

– Правильно. Товарищ Сталин разговаривал с Гитлером. Гитлер умен и хитер. Может ли умный политик пуститься на такую авантюру? Чтобы избежать битвы на два фронта, умный Гитлер отдал нам половину Польши, всю Прибалтику и часть Румынии... Зачем же ему сейчас становиться идиотом? Итак, зная все это, должен ли товарищ Сталин верить предостережениям империалиста Черчилля и какого-то предателя?

Наступила очередь Молотова поддержать послушный хор:

– Не должен, Иосиф Виссарионович.

– К тому же товарищ Сталин не забыл о давней ненависти Черчилля к стране Советов. Запомните: ему необходимо втянуть нас в войну. Англия сражается из последних сил. Так что же, бросимся помогать Черчиллю?

И все мы торопливо, как школьники, почти крикнули:

– Нет!

– Впрочем, товарищу Черчиллю ошибаться не впервой. Он как-то замечательно сказал: «Хороший политик должен

уметь предсказывать события. Но, главное, впоследствии он должен уметь объяснить, почему эти события не произошли!» – Коба прыснул в усы и спросил Молотова: – Ну, что у тебя нового в твоём капиталистическом бардаке?

– Черчилль молит Америку вступить в войну.

– Америку решил втянуть в войну мольбами, а нас – дезинформацией, – не унимался Коба.

(По тому, как вновь и вновь возвращался он к этой несложной мысли, я понял, что он в ней сомневается.)

Коба замолчал и ударил по шару. Шар влетел в лузу. Он несколько раз подряд загнал шары в лузу, почти не целясь.

В это время вошел «прикрепленный»:

– Товарищ Сталин, певцы прибыли.

– Пусть заходят, – сказал Коба и пояснил: – Сейчас – небольшой отдых. Товарищам дали заказ на военные песни. У нас мало хороших песен *о войне и, главное, – о победе...* – Что-то вспомнив, обратился к Берии: – Вот что, Лаврентий... В «Правде» напечатано выступление летчика Байдукова, – Он взял со стола газету и прочел вслух: – «Какое счастье и радость будут выражать взоры тех, кто здесь, в Кремлевском дворце, примет последнюю Республику в братство народов всего мира! Я ясно представляю наши бомбардировщики, разрушающие заводы, железнодорожные узлы, склады и позиции противника... штурмовики, атакующие ливнем огня... десантные корабли, высаживающие дивизии...» Разберись с дураком из «Правды», который это напечатал.

И гони его в шею... Товарищ Байдуков сказал точные слова, но они сейчас не для печати...

– В результате таких глупостей в Берлине и начинают беспокоиться, – ввернул Молотов.

– ...Подготовь, Вячеслав, сообщение о закрытии в Москве посольств государств, враждебных Германии... Посольства Бельгии, Норвегии, Греции и Югославии. Гони их тоже в шею из Москвы, и шпионов будет поменьше. Как идет сооружение бомбоубежища в Кремле?

– Работы ведутся круглосуточно, – ответил Берия, – через два месяца все будет готово...

Вошли певцы – все молодые люди. Начали строиться вдоль стены. Шепотом переговаривались, как в храме... На лицах от волнения – ни кровинки.

По знаку старика-хормейстера грянул хор: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет...»

Коба захлопал, и мы, как всегда, за ним. Певцы поклонились и по знаку сопровождавшего офицера НКВД, стараясь ступать на цыпочках, удалились вместе с хормейстером. Хормейстер уходил, пятясь к двери, смешно кланяясь. От усердия и восторга он чуть не упал.

Коба сказал:

– Надо устроить конкурс на лучшие песни о войне и о

победе. Награждать будем щедро. Товарищи работники искусств – большие любители денег и орденов. – И пропел: – «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...» Неплохо!

Получив успокаивающий ответ Гитлера, Коба поторопился показать, как он верит ему.

14 июня последовало заявление ТАСС: «В советских кругах считают, что слухи о намерении Германии напасть на СССР лишены всякой почвы. Это очевидный абсурд. Что касается намерения СССР напасть на Германию, эти слухи столь же лживы и провокационны...»

Вскоре я получил донесение Корсиканца: 14 июня Гитлер провел заключительное совещание по плану «Барбаросса». Гитлер говорил с одиннадцати часов дня до семи вечера, но что он говорил, для информатора осталось неизвестным.

Я доложил об этом Кобе. Коба обматерил меня и велел мне заткнуться раз и навсегда. После чего рассказал об ответе, полученном от Гитлера:

– Мерзавец ответил доброжелательнейшим письмом. Пишет о важности нашей дружбы. Объясняет, что концентрация войск у советской границы на самом деле направлена против Англии. Это военный контингент, который формируется для решающей высадки на остров, и эти войска выполняют ряд необходимых приготовлений и тренировок. Он

собирает их у наших рубежей и широко распространяет дезинформацию о готовящемся нападении на СССР, чтобы убедить их от налетов английской авиации и обеспечить внезапность нападения. Предлагает вновь встретиться и просит впредь не обращать внимания на слухи, которые, возможно, будут усиливаться. Надеюсь, теперь ты пошлешь своих агентов к ебаной матери! – сказал Коба.

В это время вошел киномеханик.

– Заряжайте, – велел Коба, и мы пошли в просмотровый зал.

Оказалось, в Узбекистане работала научная экспедиция. Тот самый скульптор-антрополог Михаил Герасимов (когда-то восстановивший лицо Ивана Грозного) попросил открыть гробницу Тимура. И восстановить лицо величайшего завоевателя. Большой любитель истории Коба согласился. Вчера Герасимов вскрыл могилу. Коба захотел увидеть всю церемонию. Для этого в Самарканд послали съемочную группу...

Начался показ. На экране – Самарканд и купол мавзолея Гур-Эмир.

Герасимов (сильно постаревший) спускается в склеп, освещенный прожекторами. Рабочие окружают гробницу. Гигантская мраморная плита сдвинута. Камера заглядывает в саркофаг, в темноте его виден гроб, покрытый истлевшим покрывалом. Герасимов объясняет в кадре:

– Тимур умер далеко от Самарканда, и к месту погребения его привезли в этом гробу.

Старик – видно, служитель в мавзолее, что-то страстно говорит по-узбекски. Насмешливый голос Герасимова за кадром:

– Местное суеверие запрещает нарушать покой «Тимура, бога войны». Этот старый узбек просит не открывать крышку гроба. Иначе, по преданию, на третий день вернется Тимур с войною...

До сих пор вижу, как на экране все собравшиеся в мавзолее добро смеются над словами старого узбека...

Из крышки гроба выбивают огромные гвозди. Снимают ее. Герасимов подходит к открытому гробу... Торжественно достает череп Тимура и долго держит его перед камерой. Череп бога войны глядит с экрана, зияя пустыми глазницами...

Экран погас. Но Коба... Коба был бледен! Он тихо сказал Бери:

– Кто позволил им с *этим* шутить! Какие примитивные идиоты! За всем следить надо самому!

Продолжая усыплять Кобу, Гитлер сделал очередной ход. В Москву приехал немецкий балет и солисты Берлинской оперы.

Посол Шуленбург пригласил Молотова в посольство на торжественный прием по случаю этого события. Коба отправил на прием и меня.

Мероприятие прошло великолепно, среди гостей были на-

ши солистки балета. По моему заданию одна из них попросилась в туалет. Он помещался внизу – в подвале, недалеко от гардеробной сотрудников посольства.

Проходя, она увидела в гардеробной комнате горы чемоданов – сотрудники посольства готовились к отъезду.

Все это я рассказал Кобе. Коба промолчал, но стал темнее тучи.

21 июня в девять вечера Молотов вызвал посла Шуленбурга, и состоялась странная беседа. Молотов прочел ему заявление нашего правительства: «Имеется ряд признаков, что немецкое правительство недовольно советским правительством. Даже ходят слухи, что нависает угроза войны. Советское правительство не в состоянии понять причины недовольства германской стороны и было бы признательно, если бы вы их изложили».

Шуленбург ответил, что не располагает никакой информацией о недовольстве своего правительства. Более того, ему передали слухи о желании Фюрера устроить встречу наших вождей («фюреров» по-немецки).

Молотов тем не менее попросил Шуленбурга срочно передать в Берлин запрос нашего правительства.

В ночь с пятницы на субботу я получил шифровку: «В Берлине стоит отличная погода. Воскресенье обещает быть очень жарким, и многие берлинцы приготовились отпра-

виться за город – в парк Потсдамского дворца». На языке шифра это означало: «Война начнется завтра, в воскресенье».

Я немедленно позвонил на Ближнюю, попросил о встрече. Коба понял, сказал:

– Опять... твои провокаторы. Приезжай.

Когда я вошел, он с порога, без приветствия, поинтересовался:

– Ну, чем еще твой Гитлер решил нас напугать?

Он плохо выглядел, глаза воспаленные, красные, лицо землистое – видно, не спал.

Я рискнул ответить:

– А если все-таки *не* пугает? Но знает: мы уверены, что он пугает. Ведь ему нужна та самая внезапность, так удававшийся ему прежде блицкриг.

– Замолчи, мудак!..

Мы молча пили чай. Я видел: Коба мучительно думал... и ненавидел меня.

В это время пришел Вася, в летной форме.

– Садись, выпей со стариками чаю.

Вася сел. Коба смотрел на сына нежными влюбленными глазами старого грузина.

Сказал мне:

– Видал, Васька-летчик! Важный человек! Как мчатся годы! Еще недавно под стол пешком ходил. Уже успел, дурак, жениться. Детей успел наделать... сам будучи...

Вася молча улыбался.

– Жена – хорошая женщина. Знаешь, как он за ней ухаживал? Ну, давай, не стесняйся.

– Летал над самым домом на бреющем полете. Сказал, что крышу снесу, если не выйдет, – засмеялся Вася.

– Чкалов под мостом летал, в конце концов погиб. Теперь этот над домом... Но жениться в девятнадцать! Балда! Я сказал ему: «Женился – черт с тобой! Если хорошая девушка, мы все будем любить ее. Только мне ее жаль, вышла за такого идиота».

Вася по-прежнему весело улыбался – пусть ворчит отец, ведь любит...

– Но летчик, говорят, хороший. В Люберцы его отправили на стажировку. – (В Люберцах стоял наш «дворцовый гарнизон» – привилегированный летный полк, участвовавший в воздушных парадах. В полку были собраны истинные асы.) – Цуканов... – (знаменитый летчик), – учит его. Написал мне: «Васька – способный летчик, но из-за пьянства у него будут неприятности...» Кстати... ну-ка дыхни!

– Ну, отец! – взмолился Вася и осторожно дыхнул.

– Представляешь, уже! Днем! Слушай внимательно: будешь продолжать – убью! Ты понял? Пьяный – всегда мудака. Повтори!

Вася повторил.

– Теперь главное. Тебе что, молодой жены мало? Ты почему увел жену у режиссера... – (Коба называл знаменитое имя).

– Сама захотела.

– Где ты ее спрятал?

– На даче. Не я, она сама спряталась от мужа.

– Значит, так. Твои действия: вернешь мужу жену, сам и пойдешь на гауптвахту за пьянство и блядство. Ступай, сукин ты сын! – приказал Коба все с тем же счастливым лицом.

Васька ушел, очень довольный собой.

– Говорят, герой в глазах своей части... Пьет, баб ебет. Отлично летает. Как нам с тобой понять его? Особенно мне... – И повторил любимое: – Я ведь сын сапожника, а он – сын товарища Сталина. – Помолчал, потом вдруг спросил: – Неужели... нападет?!

Я не успел ответить. В этот момент опять позвонили. Коба выслушал и сказал:

– Пошлите вашего фельдфебеля... – бросил трубку. – Совсем ополоумели! Какой-то немецкий фельдфебель-перебежчик заявил, что война начнется завтра на рассвете. И все верят! – Какая ярость, ненависть... и боль была в его глазах! – Поедешь со мной.

Мы поехали в Кремль.

В приемной его ждали нарком Тимошенко, начальник штаба Жуков и заместитель Ватутин.

Они вошли в кабинет, а я остался в приемной. Через час они вышли, он вызвал меня. Был мрачнее тучи:

– Верят, что Гитлер нападет, мудаки... «Гитлер скопил у

нашей границы огромные силы...» Им говоришь: Гитлер нас предупредил и объяснил задумку – чтобы на голову его солдат не падали английские бомбы, он формирует новые дивизии у нашей границы. И распространяет слух, будто делает это, чтобы напасть на нас. Поэтому империалист Черчилль, поверивший в эту дезу, шлет нам свои предупреждения... Он обещал нам, что уже в мае Гитлер нападет на нас. Число тогда даже назвал. Именно в тот день в мае Гитлер напал на Крит и прогнал оттуда англичан... Нет, нет, нет! Наши – мудаки, а Гитлер не мудак. Вся его карьера это доказывает. Он верит в блицкриг! Но не с нами! С нами – это хуйня... Самоубийство для него. Ну, дойдет он со своим «кригом» до Урала. А за Уралом территория – десять Европ... И наступит зима! И выступят наши верные солдаты – бездорожье, морозы – смерть для его блицкрига! Причем все это время ему придется сражаться на два фронта... – Он заходил по кабинету из угла в угол, повторяя, заклиная: – Нет, не может! Не может!

В кабинет вошли Молотов и Берия.

Молотов заговорил первым:

– Иосиф... – (он так называл его наедине, но сейчас очень волновался). – Немцы из посольства массово уезжают из Москвы.

На лице Кобы, клянусь, был ужас! Но он взял себя в руки. Сказал спокойно:

– Утром вызовешь немецкого посла и спросишь в лоб: «В

чем причина этого массового отъезда?»

Берия видел состояние Кобы и попытался отвлечь:

– Наши физики Зельдович и Харитон выяснили условия возникновения некоего мощнейшего взрыва. Они называют его «ядерным» и хотят...

Коба зло прервал:

– Сообщи яйцеголовым мудакам, что все эти восторги от бегающих стрелок приборов нас интересуют в спокойное время! Сейчас нам нужны от них совершенные танки и самолеты. А со всеми, кто будет вредительски тратить государственные деньги на научную хуйню... Что с сообщениями твоих агентов?

– Бомбардируют все теми же ложными сведениями о нападении Германии. Я велел передать: будете продолжать снабжать дезинформацией, сотру в лагерную пыль... Особо нужно разобраться с Деканозовым, – (наш посол в Германии). – Он, как мне кажется, отец всей этой дезы. Мы твердо помним ваше предначертание, Иосиф Виссарионович: «В сорок первом году Гитлер на нас не нападет»...

– Замолчи! Мотают, мотают нервы, – вдруг сорвался Коба. Потом сказал мне зло, все так же ненавидя нас всех: – Черт с вами! Садись! Пиши!

Я сел за столик.

Он продиктовал:

– «В течение 22–23 июня возможно нападение немцев на фронтах. Нападение может начаться с провокационных дей-

ствий, задача наших войск не поддаваться ни на какие провокации, но одновременно быть в полной боевой готовности, чтобы встретить внезапный удар немцев и их союзников. В течение ночи скрытно занять огневые точки укрепленных районов. Рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, тщательно ее замаскировать. ВВС привести в боевую готовность».

Он велел мне отнести текст Поскребышеву. Я встал, но тотчас вслед услышал:

– Не надо! Отставить! Жди!

Опять заходил по кабинету. Я сидел с бумагой в руках. В это время начали собираться члены Политбюро. Видимо, он назначил заседание.

– Ладно. Отнеси бумагу Поскребышеву. Сам отправляйся на дачу, жди меня там...

Я поехал на Ближнюю дачу, а они заседали в Кремле до ночи. За полночь приехали Коба, Молотов и Берия. Накрыли стол. Но с весельем не выходило. Он приказал Молотову отправить шифрограмму Деканозову в Берлин:

– Пусть поставит перед Риббентропом все тот же вопрос: почему уезжает посольство? И заодно намекнет... нет, скажет прямо: если что-то беспокоит Гитлера, мы сделаем все, чтобы беспокойство прекратить. Товарищ Сталин готов встретиться с Фюрером и все решить полюбовно.

Часы в Большой столовой пробили полночь. Наступило 22 июня. Гости уехали непривычно рано, в начале второго. Меня Коба оставил ночевать на даче. Нервничал...

Опять принесли чай. Я, помню, ужасно хотел спать. Но он пил чай и повторял, повторял сказанное прежде:

– Конечно, это дезинформация немцев. Пугают, чтобы я прекратил подготовку к войне. – Потом ходил по комнате, курил трубку и снова повторял: – Нет, он не сумасшедший... Хитрец, мерзавец, лгун, негодяй, но не псих... Однако нервы вымотал! Ладно, давай спать!

Он лег в Малой столовой. Я – в той самой первой комнате по коридору, где обычно фельдъегеря оставляли почту. Дверь из Малой столовой была открыта, и через коридор из своей комнаты я видел столик с бутылкой «Нарзана». Появилась Валечка Истомина, вошла к нему и закрыла дверь...

Я погасил свет. Но заснуть сразу не смог, несмотря на усталость. Я вдруг с ужасом понял, что наступил *тот самый третий день* с тех пор, как открыли гробницу Тимура. Вспомнил пустые глазницы черепа... Не прошло получаса, как послышались шаги Валечки – быстро он ее выгнал. И я наконец заснул.

Сквозь сон слышал звонок. На столике рядом со мной звонил телефон.

Видимо, Коба решил выспаться, переключил свой теле-

фон на меня. На часах, висевших на стене, было... четверть пятого! В четверть пятого звонили по *его* телефону! Я вскочил.

– Алло!

– Говорит Жуков. – (Он был тогда начальником Генерального Штаба). – Попрошу к телефону товарища Сталина.

– Сейчас четыре утра! Товарищ Сталин спит, – произнес я, уже зная ответ.

И он сказал:

– Будите товарища Сталина! Немедленно! Немцы бомбят наши города.

Я бросился в Малую столовую. После бессонных ночей в ту историческую ночь он спал крепким сном младенца.

– Коба! Коба!

Он открыл один глаз, с испугом поглядел на меня.

– Звонят, Коба!

И тут он вскочил и заорал:

– Почему...

Но я успел вставить:

– Жуков!

Он понял и в ночной длинной, до пят, рубашке, сутулясь, побрел к телефону.

В аппарате звук был очень громкий. Я отчетливо слышал голос Жукова:

– Товарищ Сталин, немцы бомбят наши города!

Он молчал.

Жуков повторил:

– Вы меня не слышите? Немцы бомбят наши города.

И снова молчание Кобы... Долгое молчание.

Наконец:

– Где ваш нарком? Приезжайте с ним в Кремль. Позвоните Поскребышеву, пусть собирает Политбюро. – Он стоял, нелепый в ночной рубашке, и шептал: – Как же так? – Потом посмотрел на меня бешеным взглядом, сказал с ненавистью: – Одевайся, сукин ты сын!

Новое прощание с другом Кобой

На сумасшедшей скорости вереница машин помчалась к Кремлю. Я сидел в третьем автомобиле вместе с ним. За всю дорогу Коба не произнес ни слова. Я понимал, о чем он думает. Было воскресенье. Военные самолеты беззащитно стояли на аэродромах. Экипажи отдыхали. Сколько хмельных голов отсыпались после вчерашних веселий в ночь выходного дня...

У Спасских ворот сопровождавшие машины чуть притормозили. И его машина как всегда въехала в Кремль первой. Рассвело, но в Кремле еще горели фонари.

Мы прибыли раньше остальных.

Я остался в приемной, сел рядом с Поскребышевым и смотрел, как один за другим члены Политбюро входят в его кабинет – Берия, Маленков, Микоян, Каганович... Военные – Тимошенко, Жуков и, кажется, Мехлис – главный идеолог армии.

Потом из кабинета торопливо вышел Молотов: оказалось, приехал Шуленбург – сделать срочное заявление.

Состоялась историческая сцена, о которой я узнал потом.

Шуленбург передал заявление немецкого правительства – обычный набор лжи, составленный Риббентропом: «В то время как Германия безоговорочно соблюдала пакт, СССР

осуществлял терроризм, шпионаж и подрывную деятельность. Вступив в сговор с Англией, чтобы напасть на германские войска в Болгарии и Румынии, Правительство СССР боролось против усилий Германии установить стабильный порядок в Европе и проводило все более активную антигерманскую политику...»

– Это война? – спросил Молотов. – Вы считаете, что мы ее заслужили?

Шуленбург молчал. Ему, видно, приказали не вступать ни в какие обсуждения.

В Берлине посол Деканозов был вызван в германский МИД «по важному вопросу». Риббентроп торжественно вручил ему Меморандум о войне...

Молотов торопливо прошел мимо меня в кабинет Кобы.

Я услышал, как Поскребышеву по телефону докладывали первые (и наверняка, как положено, преуменьшенные) результаты внезапного вторжения. Поскребышев повторял вслух, записывая на бумаге:

– Аэродромы... понял... самолеты... понял...

Запись понес в кабинет Кобы.

Я тоже понял: аэродромы разбомблены, авиацию уничтожили прямо на них...

Заседание закончилось. Все вышли из кабинета. Коба – последним.

Посмотрел на меня. Глаза стали желтыми. Произнес по-

грузински:

– Ну, что уставился? И почему ты здесь? Я же сказал тебе ясно: пошел вон!

Какая ненависть была в его глазах!

Я приехал домой. Квартира была пустой. Жена с дочкой жили на даче. Я хорошо знал своего друга. Он всегда ненавидел тех, кто оказывался прав, когда он ошибался. Моя судьба была решена. Позвонил жене.

Она уже слышала от сестры: война. Но не знала другой новости...

Я попросил ее срочно отправить Майю-Сулико в Тбилиси к нашим родственникам.

– Почему? – спросила она, хотя уже все поняла по моему голосу.

Я помолчал. Потом сказал:

– Поторопись.

Она заплакала.

Повесив трубку, начал собирать чемоданчик. Мы, грузины, особенно мерзнем. Положил в него зимнюю шапку.

Все «большие начальники» (так нас тогда называли) носили пыжиковые ушанки, их выдавали в кремлевском распределителе. И как-то мы с Кобой обменялись шапками. Причем до этого он обменялся этой шапкой... с Бухариным. Таким образом, у меня была сразу шапка Сталина и расстрелянного им Бухарина... Шапка двух моих знакомцев для моей несчастной головы.

Наступил вечер. Первый вечер в военной Москве. Как всегда перед сном, я вышел погулять. Увидел новое зрелище – прожектора шарили по небу... Ждали бомбежку.

Я долго гулял вдоль Москвы-реки. Когда вернулся, у лифта рядом с лифтершей стоял высокий мужчина в штатском. По обычной одежде «топтуна», по его взгляду я все понял. Когда вошел в квартиру, в коридоре меня встретил другой сотрудник в штатском. На мое «Здравствуйте» молча ринулся ко мне, быстро, грубо ощупал, обшарил карманы. Потом обычный вопрос: «Оружие есть?» Обыскав, втолкнул меня в столовую...

Я застал в ней большое общество: троих в форме НКВД, перепуганную нашу домработницу и дворничиху, взятую в качестве понятой. Предъявили ордер на арест и обыск. Обыск уже шел...

Они вывалили на пол всю переписку. Я сказал:

– Осторожнее, пожалуйста, здесь есть письма ко мне товарища Сталина, а вы их топчете сапогами.

Надо было видеть их ужас! Как я и ожидал, тотчас стали милостивы.

Попросил позвонить жене – позволили:

– Только без подробностей.

Я набрал дачу и сообщил:

– Я... уезжаю.

– А у нас... уборка, – проговорила она потерянно.

Значит, на даче тоже шел обыск.

– Все будет хорошо. Надеюсь, скоро увидимся. Я тебя люблю. Поцелуй Майю.

– Она уехала в Тбилиси...

Успела! Я немного успокоился.

Мы спустились на улицу. Везли без особых почестей, в стандартном «черном воронке» (обычный ГАЗ-61, переделанный в дни массовых арестов для нужд родной Лубянки). Я уселся на скамейку, ноги уперлись в перегородку шоферской кабинки. В ней – «глазок». В нем – морда сопровождающего. Время от времени он смотрел на меня...

Машина подъехала к Лубянке. Знакомый подъезд, куда я входил бесчисленное количество раз, – с часовыми, гранитными знаменами и гербами, глядевшими на Лубянскую площадь. Теперь у меня с этим зданием вновь возникали иные отношения...

Мимо подъезда проехали к «тем» воротам. Я услышал грохот. Раздвинулись стальные створки, и меня ввели во двор. Здесь был вход в скрытую от посторонних глаз внутренность нашего здания... Я забыл описать раньше это секретное чрево, в котором уже побывал. Оно редко кого выпускало назад – на волю. Тюрьма была тайным сердцем Лубянки. И все эти кабинеты, глядевшие окнами на улицу, служили как бы обрамлением, декорацией того, что скрывалось

во дворе, – секретной внутренней тюрьмы.

Вышел из машины – «Руки за спину». Во дворе пахло гарью. Как потом узнал – жгли архивы. Меня привели в знакомый подвал. Последовала уже известная мне процедура. «Раздевайтесь!» Потом голого – в знакомый, цементный, беспощадный закуток. Ледяной душ. Несмотря на лето, холод пробирал до костей.

– Вытирайся, – уже на «ты»...

Серое полотенце с биркой «Внутренняя тюрьма». Усадили на стул. Человек в форме, но без погон, молча обрил наголо.

Одеваться не велели, вошла докторша:

– Повернитесь.

И пальцем в задний проход. Этот осмотр придумал еще Ягода – не пронес ли я что-нибудь в жопе, не запрятал ли там какую-нибудь ампулу с ядом, чтобы убежать от предстоящих радостей нашего ада. Из этих же соображений одежду вернули без ремня, ботинки – без шнурков. В заботе, чтобы я не сумел удавиться... Сняли отпечатки пальцев, дали подписать квитанцию о взятых вещах. Забрали очки.

Так возобновилась моя тюремная жизнь.

Открылась дверь одной из одиночных камер. В камере – все та же железная койка, накрытая тонким тюфяком, маленький стол с лубянским тюремным «сервизом»: алюминиевая тарелка, кружка, ложка. Камера узкая, шириной око-

ло полутора метров, длиной около трех метров, с противоположной от двери стороны, под самым потолком – зарешеченное окно с покатым подоконником во всю толщю стены. Справа от двери – зарешеченная батарея центрального отопления. И огромное преимущество одиночки: в стене напротив койки – кран с крохотной полукруглой раковиной и стульчак (параша). (Я понял: опять не оставил меня своими заботами друг мой Коба.)

Тюремная тишина, лишь шарканье за дверью надзирателя и иногда – щелчок дверного глазка, а в нем – надзирательский глаз...

Наступила ночь. Я знал обычай, появившийся во времена Ежова: ждут, пока засну. Тогда тотчас разбудят, поведут на допрос. Но меня никто не тронул.

Прошло... не представляю, сколько... может, месяц, может, больше. Никто меня не вызывал, одни сводящие с ума мысли: что с моими? как идет война? идет ли?..

Всегда одно и то же: в шесть утра – подъем. Дальше два часа безделья, но спать не дают. На Лубянке нет «кормушек» (прорези в дверях камер со створкой, которая падает, образуя столик). В восемь открывается дверь, и надзиратель молча подает обычный «завтрак» – пайку (непропеченный хлеб, наполовину из картофельных очисток) и плескает кипятком из ведра в ваш чайник. Но к нему два кусочка сахара – лубянская роскошь. Днем кашица на воде...

В девять утра – проверка. Прогулка – двадцать минут в сыром лубянском дворике, затаившемся между высоких стен, этаким петербургском колодце. Так положено для камер в нижних этажах...

Я уже сходил с ума, когда однажды ночью шумно вошел надзиратель:

– На выход!

Какая это была радость – меня вели мучить, но зато кончилась пытка одиночкой... Мы шли... Повторение пройденного: через бесконечные переходы и пролеты меня вел выводящий (конвоир).

Постучал ключами о пряжку фирменного ремня – значит, другой заключенный шел навстречу. Немедленно скомандовал:

– Лицом к стене!

Не могу не отметить: при Кобе создали образцовую тюрьму-пытку. Тюрьму с большой (хочется сказать «огромной») буквы. И война ее не переменяла.

Я сидел в углу за маленьким столиком. Следовательно – мордатый молодой (ему бы на фронт), из новобранцев, тех, кто пришел на смену уничтоженным Кобой сотрудникам Ягоды и работничкам Ежова, – расположился в другом углу за огромным столом под портретами Кобы и Берии.

Я подумал: наверное, в моем бывшем кабинете сейчас сидит такой же. Коба набрал новых следователей, на этот раз

из крестьянских детей. Как правило, отцы их – кулаки, сидевшие в лагерях или уже расстрелянные. Для них Коба сочинил лозунг: «Сын за отца не ответчик». Но сперва сыну предстояло проклясть отца и забыть его. «Отречься от отца во имя мое», – когда-то учили мы Евангелие. Того же требовал Коба, как и положено новому Богу. Пройдя службу в армии, где им прочищали мозги, они после демобилизации охотно поступали в НКВД оперативными работниками. Вместо тяжелого крестьянского труда – принадлежность к главной власти, к НКВД, высокий оклад, спецпаек, дома отдыха... Они становились верными слугами Кобы.

Жутковатый парадокс: именем убившей их отцов, часто ненавидимой ими Революции они мучили и расстреливали нас, творцов горькой нашей Революции, ее несчастных сыновей.

Вежливо предъявил все те же звучавшие насмешкой обвинения: «Враждебная антисоветская деятельность, злобная клевета на руководителя правительства, шпионская деятельность на службе английской и конечно же все той же японской разведки...»

Я вежливо отрицал.

На следующий день, точнее ночь, следователь встретил меня зверем. Озвучил главное обвинение: фашистский шпион!

Было ясно – расстрел. Друг Коба решил расстаться с дру-

гом Фудзи.

Следователь яростно материл меня. Я понял: сейчас будут бить.

Я взбесился. Орал следователю, что, когда его отцы и деды служили контрреволюции, я ее делал. Кричал о том, что по приказу Ленина я создавал разведку, и что-то еще о дружбе с Кобой...

Помню, как после очередных упоминаний о Кобе в кабинет вошел Берия.

Блестя лысиной, встал рядом со следователем. Двое охранников держали меня.

Он сказал по-русски:

– Хочешь сказать, гнида, что тебе обязан наш великий Вождь? Согревший тебя, змею, на своей груди? Когда ты снюхался с врагом, который топчет сейчас нашу землю?!

И тренированным ударом кулака выбил мне верхние зубы.

– Я тебя когда-нибудь убью, клянусь! – взвился я. – Клянусь могилой отца! Запомни: могилой моего отца!

В ответ новый удар – и нет нижних зубов.

Я лежал на полу.

– Ссы на него... ссы на эту мразь! – кричал Берия следователю.

Удар сапога раскрыл мне нос... и полилась струя на лицо, мешаясь с моей кровью...

К реальности вернул меня голос врача:

– Пришел в себя. Пульс близок к норме.
Это значило – можно продолжать.
Продолжили. И опять ушло сознание.

Очнулся в камере. Не в общей, по-прежнему в одиночной, с личной парашей – в своих апартаментах. Туда доставили меня в тюремном экипаже – на носилках. Не волоком по полу. Забота! И за нее спасибо верному другу. Видать, не велел до конца зашибить... Хотя на всякий случай уже вызвали врача. Еще разок, другой, третий – и тюремный врач сможет записать в протоколе наше лубянское мирное, понятное: «Скончался от инфаркта» или совсем трогательное, умиленно домашнее: «Умер от воспаления легких».

Дали отдохнуть – тоже наверняка заботами друга! Только через два дня, глубокой ночью, меня повели на допрос. Я беспокоился – зубов осталось немного, а надо будет чем-то есть. К моему изумлению, мой изувер-следователь встретил меня... самой доброй улыбкой. Улыбалось круглое крестьянское лицо с веселым, детским, каким-то застенчивым румянцем.

Он вручил мне бумажку. Пока я лежал в беспамятстве, обо мне позаботились. Чтоб попусту не тревожить, вынесли постановление «тройки»: «Рассмотрев дело (имярек) по обвинению... (шло множество статей и приговор)... к 10 годам...»

Всего-то десять лет! И это вместо «вышки»! Какое добросердечие – мой друг Коба оставил меня жить! Не понимая, к своему несчастью, – *зачем*.

Следователь осведомил:

– Считайте, вам... – (на «вы»!) – очень повезло... всего-то десятка!

(Именно «всего-то». Потом я узнал, что в ту ночь во всех московских тюрьмах расстреливали заключенных на случай сдачи Москвы.)

Затем следователь угостил меня чаем с сухарями. Пока я пил, рассказал последние новости. Оказалось, немцы подходят... к Москве! Враждебные элементы и шпионы распространяли слухи, будто Москву сдадут со дня на день.

– Началось такое... Все шоссе целую неделю были забиты машинами. Уезжали ответственные товарищи, поддавшиеся панике. Народ уходил пешком. Домоуправы грабили опустевшие квартиры или наводили воров, а потом те делились с ними. Чистили магазины посреди дня! Но великий Вождь товарищ Сталин эту панику враз прекратил. Теперь выезд из Москвы только по специальным разрешениям. Пришлось поработать и нам. Начали с домоуправов... – Он весело чиркнул ладонью по шее, – (я узнал потом: каждого десятого домоуправа расстреляли). – Все вмиг взялись за ум. Выехавшие самовольно из Москвы руководящие товарищи моментально вернулись. Теперь у нас здесь порядок! – И он встал, оправляя гимнастерку.

– А сам товарищ Сталин? – спросил я, ожидая, что он обзовет меня и не ответит.

– Товарищ Сталин лично руководит обороной столицы... Ну, вам пора. Допивайте чай.

Я не сомневался: чай тоже был приветом Кобы. Как говорится, «на дорожку»!

Впоследствии Берия рассказал мне, что Коба собирался покинуть Москву.

Это было решено. Он должен был уехать в Куйбышев, там уже приготовили бункер для заседаний правительства. Его библиотеку и личные бумаги перевезли, Ближнюю дачу заминировали. Поезд ждал Кобу в железнодорожном тупике. На аэродроме дежурили его личный «Дуглас» и самолеты сопровождения – на случай, если он все-таки решится лететь. (При мне он лишь однажды летал на самолете, он остался человеком девятнадцатого века.)

Накануне он приказал Берии собрать совещание партийных руководителей – подготовить столицу к сдаче: «Эвакуировать всех. Продукты из магазинов раздать населению, чтобы не достались врагу...» Так что магазины грабить не требовалось – продавцы сами все раздавали. В столице должны были остаться только организаторы партизанского движения в Москве и в области. По его приказу заминировали важнейшие объекты, и «партизанам» вменялось взорвать их. По шоссе потянулись колонны автомобилей – партийные чи-

новники покидали обреченную столицу.

Короче, сам Коба и устроил эту панику в Москве.

Но после разговоров с военными мой великий друг понял: ошибся! Столицу можно и нужно отстоять. Причем именно теперь, когда весь мир уверен в том, что Гитлер ее захватит. Когда сам Фюрер уже трубит о готовящемся параде на Красной площади!

И после очередного длинейшего дня, проведенного в Ставке, Коба на рассвете, как ни в чем не бывало, приехал на заминированную Ближнюю дачу. Мне рассказывали охранники, с каким изумлением они увидели Хозяина. Электричество в доме уже отключили, шли последние приготовления к взрыву...

Мой друг, великий актер, отменно сыграл всю сцену. Спросил:

– Почему не горит свет?

Ему доложили о его собственном приказе. Он пожал плечами:

– Что за глупость! Какая чепуха! Немедленно разминировать! И протопите дачу, пока я буду работать в домике охраны... Я остаюсь в Москве, и вы – со мной.

После чего, по словам Берии, он преспокойно позвонил ему по телефону и поинтересовался, откуда взялись слухи об эвакуации города.

Умный Берия тотчас все понял и ответил, что это «безответственные паникеры». Коба велел строго разобраться с па-

никерами и ворами, расстрелять каждого десятого управляющего домами, «чтобы вернуть всем негодьям потерянное чувство ответственности». Разговор с Берией он закончил кратко:

– Москву отстоим!

И... сел работать. Вот так мой великий друг исправил свою ошибку.

Меня везли на вокзал через Москву на обычной машине. По городу были развешаны огромные плакаты с портретами Любви Орловой – объявления о готовившихся концертах любимой киноактрисы Кобы. Так мой великий друг успокаивал москвичей, остававшихся в городе...

Потом был товарный вагон, переоборудованный под тюремные камеры. На крохотных окошках – решетки, к стенам приколочены нары, а посередине – вонючая дыра, выводная труба, заменявшая парашу. Нестерпимая духота, еда – хлеб, селедка. Оттого – страшная жажда и безответные крики: «Воды!» И, будто счастье, – грязная вода из ведра, как для скота. Когда она заканчивалась, охрана заливала ее прямо из луж во время стоянок на полустанках. Часто на этих полустанках против нас останавливались точно такие же тюрьмы на колесах. Шла война, фронту нужны были солдаты, но тылу по-прежнему требовалась рабская сила, готовая работать, как подобает рабам, – двадцать четыре часа в сутки. И поезда рабов в эти военные годы продолжали идти

в тыл, в лагеря Кобы.

Лагерь прервал наши отношения. Но моя повесть – о Кобе, и потому о лагере рассказываю очень кратко.

Катя. Последняя встреча

Пересыльный лагерь. Белые ночи. Берег реки, баржа. Выстроили в колонну по четверо. Меня присоединили к колонне жиганов-уголовников. Началась посадка на баржу. Согнали вниз, в вонючий трюм. На палубе остались конвоиры.

И в трюме все случилось...

Помню страшную духоту, вонь немытого потного тела. Голая лампочка качается под потолком, по стене к потолку идут нары. Вожди уголовников (и здесь – вожди!) заняли нары, остальные устроились на полу. И тогда один из них, главный головорез (его слушали беспрекословно), крикнул мне: – Иди сюда, дед, здесь для тебя – местечко.

Мне освободили нижние нары (и тут Коба не оставил заботами).

Наша посудина долго не отплывала. Потом за переборкой слышались глухие голоса – женские. Я понял: ждали женщин, и теперь загружают в трюм женский лагерь.

– Привезли для нас пизды, – засмеялся главный. – Налетай – подшевели!

Закачалась жалкая посудина – значит, отплыли. Жиганы сбросили с себя рубашки, разделись до пояса. Мощные торсы в голубых татуировках... И принялись крушить переборку. Били ногами, кулаками – яростно, методично. И... рух-

нула! Вся обезумевшая свора бросилась в полутьму на женское тело.

Это была обычная партия – жены и дочери вчерашних партийных начальников и недобитых аристократов вперемежку с воровками, проститутками. Вопли, крики о помощи... Жиганы тащили их к нам, лезли к ним на нары или совокуплялись прямо на грязном полу трюма. Все пространство наполнилось содрогающимися телами, вопящими, тщетно отбивающимися женщинами...

И тогда я увидел *ее*... Была ли это она? Или я боялся ее там увидеть и потому увидел? Как в страшном сне: ее тащил за волосы совершенно голый жиган. Я хорошо знал свое дело, и возраст мне тогда не был помехой. Через мгновение он лежал на полу. Я схватил ее. Катя!

Никогда не забуду ее ужас, гримасу отвращения на любимом лице.

– Пошел вон! Старик! Ублюдок! – она выкрикивала ругательства.

Оттолкнула меня и сама бросилась к вскочившему с пола жигану. Они забарахтались на полу...

А я... я стал подниматься по ступеням, вылез на палубу.

– Стой, паскуда, куда идешь! Стрелять буду... – Маленький караульный, стоявший у лестницы, выставил автомат. – Назад! Вниз, сволочь!

Он уперся дулом мне в живот. Я молча схватился за дуло, мне было все равно.

– Отставить! – крикнул подоспевший начальник. И мне: – Вернись! Немедленно!

Я ничего не ответил, продолжал держаться за автомат и все так же молча глядел на начальника. Он понял: я не вернусь. Но, видимо, и здесь действовали заботы моего великого друга.

Он сказал:

– Ладно, стой на палубе, дед!

Так я и простоял несколько часов, глядя на проплывавшую мимо землю и не видя ее. Наконец повернули к берегу. Пристали.

На берегу выстроились в ряд три пожарные машины.

Выяснилось, что после таких перевозок жиганы обычно выходить не спешат и захваченных женщин не выпускают. Так что церемониал встречи был отработан...

– Выходь, стройся! – тщетно кричал начальник.

Никого!

Тогда внутрь трюма направили брандспойты, и хохочущие жиганы, не забывая материться, повыскакивали на палубу. За ними выползали мокрые, плачущие женщины. Трюм залило водой, в которой плавали человеческие испражнения и несколько женских тел. Оказалось, после того, как жиганы «разок спустили», началась карточная игра. Кого-то из женщин попросту проиграли...

Осталась ли она живой? Была ли она Катей? Не знаю...

Нас увезли первыми. Больше я никогда ее не встречал.

Война и лагерь

Лагерь, обнесенный тыном, с часовыми на вышках. Одна из бесчисленных точек на карте великого Архипелага. Запах дерьма (несмотря на мороз) и запах тухлого мяса в столовой. Рваные, истертые ватники, изношенные развалившиеся валенки, похожие на лапти...

Хотя шла война, охрана не ослабела. Здоровые, крепкие часовые. Их бы на фронт, но у них, как считал мой друг, фронт тоже важный – нас стеречь, мучить.

В лагере – вечная тюремная иерархия: всем заправляют блатные. Они нынче убегали отсюда часто. Вокруг за сотни километров мужского населения не сыщешь – выдавать некому, всех забрали на фронт. Бежали обычно по двое, по трою. И с собой прихватывали молодого, еще упитанного, из новеньких. На мясо в пути!

Здесь я получил письмо от тетки. Из письма узнал: жена – в лагере, но дочь – у моей тетки в Тбилиси. Никто писем в это время не получал, а я получил. Чтобы знал я, подыхая: все исполнил мой великий друг. Все, как обещал тогда!

Народу с каждым днем становилось все меньше. Сильным, молодым давали разрешение идти на фронт. Заключенных везли на передовую – в штрафные батальоны. Добрый Коба позволял им погибнуть героями. Слабых и старых теперь не расстреливали, кому-то надо было и трудиться. По-

дышали теперь на работах.

По лагерю шли слухи: немцы возьмут Москву со дня на день. Где наша непобедимая армия – «гремя огнем, сверкая блеском стали»?

А потом совсем для меня ужасное: немцы на Кавказе! Что будет с дочкой? Что с женой? Вот с этими страхами жил!

Но ничего, думал я, скоро закончатся мучения. Долго не протяну!

Обычное расписание: утром – перекличка, обыск (шмон) перед отправлением бригады в тайгу.

Красномордый, со смятым рязанским носом, дышащий перегаром, начальник лагеря стоит на крыльце, смотрит, как уходят бригады валить лес... Охрана старается, покрикивает, не дай Бог охраннику проштрафиться – отправят на фронт...

Вывесили транспарант: «Все для фронта, все для победы!»

И рядом транспарантище – на нем гигантская голова Кобы и его мудрое заклинание: «Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Пока развешивали транспарант, красномордый произнес речь: «Фашистские изверги напали на нашу страну. Все мы должны отдавать все силы, помогая сражающимся на фронте...» И обязательное: «Товарищ Сталин учит нас... Товарищ Сталин сказал... Да здравствует товарищ Сталин!» и то-

му подобное.

Так что и здесь друг Коба не покидал меня ни на секунду!

В рекордные сроки, ежедневно подыхая от холода и голода на работах, построили цех по производству разрывных мин. Успели дать первую продукцию, но подвела электропроводка. Короткое замыкание – цех загорелся... Мины рвались, грохот, как на поле боя, несколько сотен сгорели заживо... Красномордого увезли в Москву расстреливать. Появился другой начальник, точно такой же красномордый.

Через месяц, потеряв половину людей (ничего, прибыла еще партия), построили новый цех. Параллельно продолжали валить лес (я был в этой бригаде). На лесоповале единственная мечта – попасть в этот цех. Занятых на производстве мин кормили. На лесоповале от бескормицы началась цинга. Я уже «доходил», с трудом двигался. Товарищи ко мне присматривались, чтобы забрать мою жалкую долю, когда пайку есть не смогу... Однажды, когда я вернулся (точнее, дополз) с работы, нас, как всегда, выстроили для переключки. Красномордый стоял на крыльце, принимал рапорт бригадира. Потом глянул на меня и что-то сказал бригадиру.

Тот выдернул меня из строя, подвел к красномордому. Начальник как-то оценивающе оглядел меня, потом усмехнулся:

– Пошли!

Я понял: конец. Он вошел в деревянную огромную избу.

Я – следом.

Он как-то милостиво сказал:

– Так и не научился? Неужели трудно запомнить: «Товарищ начальник лагеря, заключенный номер такой-то по вашему приказанию...» – Не дав мне повторить, сообщил: – Производство мин расширяем... План спустили огромный. К нам едет пополнение. Чтоб веселее работалось, руководство решило создать у нас театр. С едой на лесных работах пока будет по-прежнему, но хороший театр – тоже еда. Театр ожидается первоклассный, к нам целую группу арестованных артистов посылают. Там и заслуженные, и народные. И певцы, и обычные... – (так он именовал драматических). – При театре будет костюмерная в отдельной сторожке. Вот ты и будешь ею заведовать – ты ведь культурой руководил!

Опять обо мне позаботился Коба. Проследил, чтоб я не сразу подох в его лагере...

После вон, нар барака крохотная сырая отдельная каморка, где я должен был стеречь неизвестно от кого костюмы и декорации, конечно же показалась мне раем. И все оставшиеся годы в лагере я прожил среди гимнастеров нашей армии, голубоватой гестаповский формы, деревянных винтовок и наганов, плащей тореадоров, пачек балерин, сюртуков и камзолов...

Но с удивительной пунктуальностью накануне всех праздников меня обязательно отправляли чистить сортир. И это тоже был привет от моего друга.

Когда-нибудь я опишу житье в лагере. Нет предела мучениям, которые может выдержать человек, нет предела унижениям, которые он может сносить. И это тоже доказал мой великий друг. Но, несмотря на невозможное для человека существование, все мы хотели Победы. Не из патриотизма – про человеческие чувства здесь забыли. Чтоб лучше трудились, Коба пустил по лагерям слух – после победы будет амнистия, всех выпустят, начнется другая жизнь. Маленькая хитрость моего большого друга.

Однако во всем этом ужасе бывало и смешное. Помню, в начале 1944 года в наш лагерь приехали американцы – делегация Красного Креста. Коба предложил им посмотреть, как живут у нас заключенные, чтобы они могли развеять лживые слухи.

Мой друг умел все делать с размахом, куда там Потемкину с его деревнями! Американцев везли из женского лагеря. Потом рассказывали, как женщинам там выдали вольную одежду, как приехали удалые парикмахеры – делать прически. Как вместе с ними, изображая заключенных, появились сотрудницы НКВД.

Америкосы пришли в восторг, и вот сейчас их везли к нам.

В считанные дни лагерь стал похож на первоклассный дом отдыха. Трудились день и ночь. Отремонтировали бараки,

привезли новые кровати с чистым постельным бельем и пуховыми подушками, были вычищены туалеты. Нас щедро разбавили многочисленными сотрудниками моего вчерашнего учреждения, и наша масса теперь выглядела совершенно иначе.

Мою костюмерную перевели в лагерный клуб – в просторную комнату. В дополнение к имеющимся костюмам завезли реквизит из Большого театра.

Лагерный театр в спешном порядке приготовил арии из опер. Концерт ставил режиссер из Большого, хорошо знавший многих исполнителей. Наша постановка явилась для иностранцев главным потрясением. В тот вечер на сцене клуба пели вчерашние оперные знаменитости. Выступали они, как положено, под лагерными номерами. Конферансье объявлял: «Арию Хозе из оперы «Кармен» исполняет заключенный номер такой-то», – и выходила сидевшая у нас звезда. Иностранцам сообщали, что перед ними уголовник, успешно развивший свои таланты в советском лагере...

Гости уехали пораженные. Далее, как в нашей сказке: «...опять перед ним землянка; на пороге сидит его старуха, а перед нею разбитое корыто...» Я возвратился в свою каморку, костюмы уехали обратно в Большой театр, «заключенные» – женщины и мужчины из НКВД – на свою работу в Москву.

В своей лачуге я скоротал пять лет. Это была уже вторая мировая война, которую я провел в заключении. Раньше – в

царской ссылке, теперь – в советском лагере.

Все эти годы я жил в постоянном холоде, с тупым ноющим желанием есть. Но в здешнем аду моя жизнь считалась «домом отдыха». Вокруг надрывались на работе, умирали. Я же благополучно сидел в сырой камере среди театральных костюмов и деревянного оружия...

Каждый день, собравшись вокруг громкоговорителя, ээки слушали с замиранием сердца голос диктора Левитана: «От советского Информбюро. Наши войска...»

Я не слушал. Меня ничто не интересовало.

Наконец она пришла – Победа! Ликованье в лагере... и ничего! По-прежнему гнали бригады валить лес, только мины делать перестали, и кормить перестали тоже.

Поступили новые заключенные. Это были наши солдаты и офицеры, захваченные немцами в плен. Их, переживших ужас немецких лагерей, мой друг пригнал в лагерь советские. В лагерь родной страны, за которую они отдавали жизнь.

Чудо

Но тогда это не произвело на меня никакого впечатления. Я столько повидал крови, столько смертей... Я окончательно оступел. Перестал думать о несчастной семье. Просто вставал утром, чтобы дожить до вечера. Я будто заснул.

И однажды... случилось! Я заболел... У меня была, наверное, очень высокая температура. Меня перевели в тюремную больницу.

Совсем рядом с кроватью я увидел стоящего на коленях смеющегося Ягоду и плачущего Бухарина.

– Бог есть! – кричал Ягода и, торжествуя, хохотал. Бухарин продолжал плакать.

Я все пытался высказать им некую важнейшую мысль. Невероятную по значительности мысль. Я хотел быстрее донести ее до них, чтобы не забыть... Погиб Ягода, погиб Бухарин... и вот гибну я. Погибли мы все, чтобы понять: Бог есть. Сам того не сознавая, Коба убивал нас, убивавших прежде других, нас, великих атеистов, рушивших храмы, глумившихся над иконами. Убивал нас, вождей и сынов Революции... именем Революции. Мой друг Коба был орудием в *Его* руке, вечным языческим Атиллой – бичом Божьим. Но как только я это произнес... раздался хохот, неудержимый хохот. Хохот Дьявола. И я услышал свой голос: «Да нет же, нет! Все это обман... Он убил Катю... Миллионы и миллионы! Они

погибли и гибнут в этом аду... созданном им аду! И там, в аду – моя жена... Он убивал всю старую жизнь, уничтожал все. Его заповеди – “не предай, не сотвори себе кумира, не лжесвидетельствуй”... Нет ни одной Божьей заповеди, которую он не растоптал бы, создавая страшного нового человека. Своего человека. И он будет это делать дальше. Он не остановится... Не остановится. Если не остановить...»

И вдруг я ясно понял, что не умру... и очнулся!

Была глубокая ночь Я... начал молиться. Все те слова, которые давно забылись, неожиданно зазвучали в моей душе: «...Я пошлю на землю голод, – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его...»

Боже, я отдал бы все... чтобы прочесть ту самую Библию... которую ненавидел читать в семинарии. Воистину пересохшими от жажды губами кричал: «Жажду!»

И вдруг четко различил *присутствие* в тишине.

И заплакал. Я плакал горько, сладко, как плачут в детстве, и это были счастливые слезы. Будто что-то ужасное, мертвое вышло из меня. Я просил Его оставить меня жить, чтобы я, вновь уверовавший в него, мог искупить... Как же все просто... как же все просто... И в последний час не поздно вернуться к Тебе»...

Я точно знал, что... выйду! Он мне сказал это.

И я понял – зачем

Я вновь проснулся под утро и с изумлением осознал: здоров! Здоров!

Как я ждал наступления дня и Чуда. Но пришел день, и... все было, как обычно.

Однако уже вечером, к моему ужасу, из тюремной больницы, казавшейся мне санаторием, меня вернули в мою камеру.

Наступила обычная холодная ночь. Я сумел заснуть на своих ледяных нарах только под утро. И мой короткий сон разрушил голос:

– Товарищ К-дзе... товарищ К-дзе!

Я никак не мог сообразить, где я? Я уже давно не был ни товарищем, ни К-дзе! Я был заключенный номер...

Но все это я понял потом... Тогда же в страхе вскочил. Надо мной склонился сам мордатый начальник лагеря.

Впоследствии, когда у нас с Берией возникли дружеские отношения, он рассказал мне, как все случилось. Коба вспомнил обо мне вскоре после Парада Победы...

На параде, когда он стоял на Мавзолее и маршировавшие по площади солдаты швыряли гитлеровские знамена к подножью Мавзолея (точнее, к его ногам), думаю... нет, уверен: захотелось ему, чтоб и я увидел его торжество. Ведь из той,

из прежней жизни, у него остался, пожалуй, один я.

В то счастливое победное время Берия и Молотов были у него ночью на Ближней. Под утро, провожая гостей, Коба вдруг поинтересовался:

– Да, Лаврентий, все хочу спросить, а где наш Фудзи?

– В лагере, Иосиф Виссарионович, – оторопел Берия, который арестовал меня по его приказу!

– Не может быть! Кому в голову пришло это безобразие? Такой человек! Ай-ай! Разве можно так поступать со столь заслуженными людьми. Ты разберись и проследи, чтобы немедленно вернули моего друга Фудзи. – И добавил: – А жена его где?

– Она... тоже, Иосиф Виссарионович...

– В лагере?! – продолжал удивляться Хозяин. – Это надо срочно исправить, и накажи построже олухов, которые это сделали. Чтоб завтра оба были в Москве.

Берия рассказал мне, как, выйдя из кабинета, он долго матерно ругался.

Стоя надо мной, начальник лагеря сообщил испуганно:

– Только что звонил товарищ Берия. Вас срочно этапируют в Москву...

Я засмеялся и громко возблагодарил Его. Начальник в изумлении смотрел, как я... крестился и говорил молитву.

Меня везли в Москву в обычном купейном вагоне. С вокзала доставили прямо на нашу Лубянку.

Берия сидел за столом, когда меня ввели в кабинет.

– Садитесь, товарищ Фудзи, – произнес он, не поднимая головы от бумаг.

Я сел. В этот момент вошел офицер, и я тотчас по привычке вскочил, вытянулся. Берия усмехнулся:

– Неплохо выучили.

Офицер поставил передо мной поднос с виноградом и апельсинами с нашей маленькой Родины и ушел. В этот момент ввели ее...

Жена бросилась ко мне и, плача, стала... ощупывать меня. Мы обнимались и смешно ощупывали друг друга, будто не верили, что это мы. А потом вошла наша Сулико. И тогда мы оба заплакали. Мы обнимали ее, глупо плакали, потом смеялись. Я никогда не думал, что такое возможно, но мы совершенно забыли о хозяине кабинета. Однако он о себе напомнил, вернув нас в действительность:

– Если можно, товарищи... – (вновь «товарищи»!) – попрошу вас немного помолчать.

Поблескивая пенсне, Берия мрачно смотрел на нас.

Мы замолкли, он придвинул к себе телефон. Это был телефон с гербом – так называемая «вертушка». (Телефон для разговоров руководства страны. Их создал обожавший секретность Ильич. Номера соединялись через автоматическую телефонную связь, без помощи операторов, путем вращения

диска на телефоне.)

Он набирал номер медленно, чтобы я успел разглядеть герб на аппарате и понять, кому он звонит.

Связь по «вертушке» очень громкая, к тому же, глядя на нас, Берия чуть-чуть отставил от уха трубку.

– Что тебе, Лаврентий? – послышался знакомый голос.

– Товарищ Сталин... куда их дальше?

Молчание. Потом Коба сказал:

– Его – устроить в издательство. Позвони в Политиздат, думаю, товарищи не откажут взять его редактором... он всегда любил книги... Жену – в Третьяковскую галерею. Она искусствовед. И зарплату, – он подумал, – выдай им за полгода.

– А жить им где?

– Дай им комнату, как положено всем москвичам... в коммунальной квартире – все, как у всех. Но комнату лучше... У тебя наверняка что-нибудь *освободилось*... вот *такую* и дай, – смешок в трубке. – Чтобы напоминала товарищам... откуда они приехали... и как легко туда вернуться.

Раздались гудки. Берия повесил трубку. Он почему-то хотел, чтоб мы слышали весь разговор. Потом поднял трубку другого, обычного телефона и приказал кому-то:

– Принеси все, что *освободилось*...

Вошел начальник его охраны Саркисов и молча положил несколько ключей с адресами на бирках.

– Ну, что у нас получше? – Берия рассмотрел адреса. –

Большая Бронная – это в центре, это хорошо. Вот туда вас и отвезут.

Коммунальная квартира

Мы вышли из кабинета свободные и счастливые. Только подумать – еще вчера...

Но нас остановил оперативник, дожидавшийся в приемной:

– Простите, товарищ, вы должны расписаться в ведомости.

Тотчас мелькнула ужасная мысль: неужели все – провокация? Пытка надеждой! Вернут обратно! Жена побледнела. Лишь бедная Сулико оставалась счастливой...

Оперативник привел нас в свой кабинет.

– Сейчас я вам верну...

На столе лежала большущая стопка облигаций государственных займов. Наших облигаций – моих и жены, изъятых при аресте. Он принялся неторопливо записывать в ведомость номера, прося расписаться около каждого номера в получении. Облигаций было множество, и процедура ожидалась на несколько часов... А мы так хотели побыстрее покинуть мое родное учреждение! Выйти на улицу! И идти по улице. Просто свободно идти...

– Я желал бы передать эти облигации нашему родному государству... – начал я.

– Не положено. Сперва получите обратно, потом передавайте, – ответил оперативник, не отрывая глаз от ведомости

и записывая в нее очередные длиннейшие цифры (я привычно запомнил номер: 004959 серия 414).

Через три часа мы, наконец, шли вдвоем по ночной улице и... смеялись. Я вспоминал, как Достоевский хохотал после отмены смертного приговора. Но тут нас догнала черная машина.

– Товарищ Фудзи? – из нее выскочил офицер.

Мы опять в ужасе остановились.

– Мне приказано отвезти вас домой...

Нас доставили на Большую Бронную. Дом был старый, до-революционный, и квартиры в нем – большие, барские. Теперь они преобразились в огромные коммуналки со множеством комнат и обитателей.

Жильцы в это время спали. В ночной тишине раздавался могучий храп.

В комнате, куда нас привели, постельное белье на двух кроватях не было убрано. Видно, хозяев забрали по правилам – ночью, тепленьких – из постели. Еще вчера здесь жили другие люди, которых отправили туда, откуда приехали мы. Этакая рокировка... Но мы надеялись, что дочка не поняла, и продолжали весело смеяться.

– Здесь все есть! – закричала Сулико. – Как в сказке о коньке-горбунке.

Конечно, это была сказка! Совсем недавно она жила у тет-

ки, мы спали на нарах... И вот – нормальное белье, правда, чужое, несчастных людей.

Но мы забыли, что такое брезгливость. Отец и Учитель нас отучил!

– Это Иосиф Виссарионович о нас позаботился, – сказала дочь. – Недаром я ему писала, папа.

И тут мы с женой узнали невероятное! Оказывается, все эти годы *каждый день* наша девочка упорно писала Кобе о том, что его верного друга, ее отца, и ее мать несправедливо посадили в тюрьму. И что наверняка это сделали враги народа. Она просила вернуть нас.

– И *он* вернул! Я знала! Знала, что так будет в конце концов! – она плакала от счастья, от любви к нам и к Кобе...

Мы с женой не посмели даже улыбнуться. Коба нас выучил на «отлично». Мы просто поняли, что наша дочь, как и вся страна, боготворит Его.

В ту ночь мы крепко спали на белье неизвестных несчастных...

Я слишком устал для каких-то эмоций после лагерной жизни и этого сумасшедшего дня. Я был доволен, что буду спать свободным и что рядом со мной – жена и дочь.

Сулико, счастливая, ликовавшая, моментально уснула. Жена тоже легла. А я все стоял у кровати, не раздеваясь, вспоминая этот сказочный день.

– Потуши свет, – сказала жена, – и ложись.

Я понимал: там, в кровати, она ждет меня. Ждет, что я буду с нею – после пяти лет разлуки... А я... я хотел эту женщину, еще молодую, но не мог... Должно быть, из-за проклятого лагеря...

И решил подождать, пока она заснет. Пошел в туалет. Это могло стать оправданием, туалет мог быть занят, притом надолго. И вправду, несмотря на ночь, он оказался занят. Я вышел на кухню. Зажег газовую конфорку. Молча стоял и смотрел на синее пламя.

Не известная мне, чья-то оборванная жизнь.

Вернулся. Постоял в темноте. Жена не спала.

– Я все думаю, как нас встретит завтра квартира, – проговорила она.

– Нормально, уверяю тебя. Сделают вид, что так и надо.

– Раздевайся наконец, – сказала она и тихо прошептала: – Я все понимаю. Не бойся. Я просто обниму тебя.

Она прижалась ко мне, как когда-то после ночи любви...

Было слышно ровное дыхание Сулико. Жена начала мне рассказывать шепотом, как она жила. Про несчастную юную красавицу жену Бухарина, которую встретила в лагере. Как ту возили в Москву к Берии, и как она его кляла и не отреклась от мужа... И еще что-то. Но я уже не слышал. Я спал.

Встал я рано, мои еще не проснулись. Но очередь с семейными сиденьями для унитаза уже стояла в уборную (это бы-

ла квартира интеллигентов, каждая семья имела собственное сиденье «из гигиенических соображений»). Двое, возглавлявшие очередь, читали газету, причем один через плечо другого... Юноша, стоявший третьим, переминался с ноги на ногу...

Все с любопытством уставились на меня.

– Здравствуйте, товарищи, я, моя жена и дочь... мы ваши новые соседи.

– Вы вместо Малышевых? – спросила словоохотливая дама, стоявшая передо мной. И предложила, пока двигалась очередь, показать малышевский стол, который стал теперь нашим. Это был самый большой стол на кухне. На нем стояли чашки и чайник с заваренным позавчерашним чаем.

– У меня остались две их чашки, я одолжила на свой день рождения для гостей, я вам отдам.

– Спасибо, не надо, мы купим другие.

– Да вы не брезгуйте. Эти чашки не их. Прежде здесь другой жил. Его... тоже! Мы все сюда так въехали...

За завтраком жена мне сказала:

– Надо срочно купить новые кровати, мы не можем спать... на этих.

– Обязательно, когда я получу зарплату. Где Сулико?

– В туалет стоит. Всю ночь просыпалась. Будила меня, боялась, что ей это снится. Ты ничего не слышал, страшно храпел.

Мы заварили чай в чайнике исчезнувших Малышевых,

налили его в их чашки, в буфете нашли их бублики, варенье, сладкие сухари. Наевшись, по лагерной голодной привычке мы с женой начали сгребать ладонью крошки. И оба рассмеялись.

«Бесы»

Помню, после освобождения я жадно читал газеты, точнее, одну газету – «Правда». Ибо остальные наши издания, как и прежде, попросту перепечатывали главную газету партии.

Потряс Нюрнбергский процесс. На нем цитировали секретные указания Гитлера, о которых не знали мои агенты. За месяц до нападения были разработаны меры тотального уничтожения любого сопротивления – бессудные расстрелы несчастных политработников, коммунистов, солдат, пытающихся бежать из лагерей, вообще всех, смеющих сопротивляться нашествию. Ибо, как учил Гитлер, в стране, на которую они должны были напасть, «человеческая жизнь ничего не значит».

И эти указания Гитлера в виде приказов подписывал Вильгельм Кейтель. Я его видел – немецкий фельдмаршал, человек с моноклем, воплощение вермахта, готовый попрасть все законы человечности, офицерской чести во имя идиотской формулы «Честь – это Верность». Верность – это исполнить любой приказ начальника.

Как мне потом рассказывал Берия, когда Кейтеля везли по Берлину, этот робот с моноклем в ужасе скорбел о разрушенном городе, не вспоминая о руинах и крови, которые он оставил в Европе.

Но чем больше я размышлял о Нюрнберге, тем острее чувствовал, как весь мой гнев превращается в страх. Ибо теперь, после кошмаров лагеря, я все чаще думал о себе, о всех нас, кому придется защищаться на Высшем Суде, бормоча, как и наши враги: «Честь – это Верность».

С печалью я узнал из газеты, что Коминтерн распущен. Погоны, уничтоженные Революцией, вернулись на армейские плечи. Погоны – этот символ контрреволюции! Белой армии! Золотопогонников! За эти погоны мы когда-то убивали... Да и сама Красная Армия нынче именовалась Советской. И мой друг Коба, освобожденный при царе от воинской службы, назывался генералиссимусом – это звание носил царский полководец Суворов. На портретах бывший революционер-боевик был в золотых погонах, в мундире с красными царскими лампасами на брюках.

Вернул он и Патриаршество. Как феникс из пепла, воскресла столь хорошо нам с Кобой знакомая «церковь при монархе и послушная монарху». Во всех храмах ему, разрушителю храмов, пели «многие лета».

Однако, вернув Патриаршество, мой друг не забывал о строгом надзоре за Церковью, с которой столько лет беспощадно боролись большевики. За ней внимательно следил Совет по делам Церкви. Официально Совет был образован при правительстве, но на деле Коба конечно же поручил его нашей организации. Во главе его он посадил... начальни-

ка отдела НКВД по борьбе с контрреволюционным духовенством, знакомого мне полковника Карпова. Карпов стал теперь вроде двуглавого орла. На Лубянке он боролся с церковью, а в Совете – помогал ей! В этом – весь мой великий друг!

Последнее напоминание о Революции – народные комиссариаты. Коба уничтожит их позже, взамен придут министерства, как при царе. И, как при Николае I, именуемом в наших учебниках Николаем Палкиным, чиновников министерств оденут в мундиры.

Да еще выпустят деньги, весьма напоминающие царские. Вот бы встали из могил расстрелянные Кобой революционеры – полюбоваться на это... Стоило ли стольких убивать, чтобы вернуть все на круги своя? Да, я возвратился... в Империю! В бескрайнюю Империю – новую мировую сверхдержаву.

Тегеранская, Ялтинская, Потсдамская конференции успешно прошли, пока я столь же успешно чистил сортиры и мучился на зоне. На этих конференциях мой великий друг сумел создать новый мир – заложил будущий Социалистический лагерь, покорный его воле. В этом лагере оказались Венгрия, Болгария, Румыния, Чехословакия Югославия – страны-сателлиты. Огромный кусок Европы стал частью его Империи.

Но какое отношение восставшая из прошлого Империя

имела к тем бредовым и прекрасным идеям, которые провозгласила наша уничтоженная партия? А, может быть, имела, и прямое? Я не забыл издевательскую фразу Герцена, которую мы когда-то считали кощунственной: «Коммунизм – это всего лишь преобразованная николаевская казарма».

Так что партийный гимн справедливо перестал быть гимном новой Империи. Новый гимн начинался опасными словами: «Союз *нерушимый* республик свободных сплотила *навеки* великая Русь...» Хотя мы с Кобой когда-то учили: негоже человекам употреблять слова «навек», «нерушимый»... Будто искушая Господа, чтобы Он мог впоследствии посмеяться над жалкой человеческой гордыней.

Все эти печальные и трудные мысли не мешали мне каждый день благодарить Господа за счастье быть свободным. Мы всей семьей ходили на концерты в Консерваторию. В Москву приехала Анна Ахматова, владычица дум времен нашей с Кобой юности. Я с изумлением узнал, что она жива. Помню ее вечер, проходивший в Колонном зале. Мы пошли всей семьей. На сцене появилась сильно располневшая старая женщина. Зал ее приветствовал стоя. После каждого стихотворения неистово хлопали. Люди умели тогда замечательно хлопать – научили бесконечные партсобрания и митинги, где читались речи и высказывания Кобы.

– Тебе понравилось? – спросил я потом дочь.

– Стихи какие-то непонятные. И она такая старая... и за-

ывывает.

Что ж, новые времена – новые песни.

Наша комната была очень большая, и мы решили передвинуть комод в центр. Чтобы как-то отделить пространство – наше и дочери. Втроем весело двигали тяжелый комод. Под ним я увидел потрепанный, покрытый пылью и паутиной, томик. Это было старое, дореволюционное издание «Бесов» Достоевского.

Как ненавидели мы этот роман в своей революционной юности! Кажется, после Революции «Бесов» даже изъяли из библиотек... Может, поэтому неизвестный хозяин комнаты хранил томик под комодом?

Вечером я решил почитать. Сначала шло предисловие, где Достоевский объяснял, что этот роман – предостережение. И смута, показанная в масштабе одного города, завтра может предстать в совсем ином размахе и коснуться всей России.

Я перелистал роман, текст был подчеркнут во многих местах.

Принялся читать подчеркнутое. И как зазвучал проклятый роман, как мучительно понятны стали все эти бесовские мечтания героев...

Они мечтали построить новое общество – общество равенства – через кровь! Как и мы, они верили, что нынешнее (то бишь царское) поганое общество реформировать нельзя, поэтому надо «перескочить через канавку». И чтобы пры-

жок в светлое будущее – в новый мир – был удачен, придется убить миллионы. Как знаком был этот «новый мир», который они мечтали сотворить. В этом новом обществе все будут равны... в рабском подчинении вождям! И потому это общество не терпит исключительности. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Их изгоняют или казнят. «Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями...» Я помнил пламенные речи Бухарина – об «организованном понижении культуры», пароход, на котором Ильич выслал знаменитых философов, суды и расстрелы интеллигенции!

В этом новом мире трудолюбивых муравьев у людей максимум обязанностей и минимум потребностей. «Необходимо лишь необходимое». И для стабильности этого общества все должны следить за всеми и все доносят на всех. Это были дословно будущие, радостные слова Микояна: «У нас каждый трудящийся – работник НКВД»!

Но самое знакомое и оттого ужасное: в этом обществе Бесов люди были спаяны удивительной верой в величие происходившего с ними.

В предисловии к тому был эпиграф – цитата из романа «Преступление и наказание»: «Будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве... Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей... Люди, при-

нявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные...»

Я решил купить сочинения Достоевского. В букинистическом магазине мне удивительно повезло – я приобрел два разрозненных тома того же издания, первый и последний. В первом томе был наклеен экслибрис владельца. Я сразу узнал этот вычурный герб: щит, увенчанный княжеской короной, который держали два золотых льва, на щите – серебряный крест. Да, это был герб... князя Д.! Его герб, мой герб!

Я был потрясен. Так, может, и подчеркивал... он? И это он разговаривал со мной из-за гроба? Я опять видел его лицо... в тот последний миг.

В последнем томе я нашел послесловие... и снова с подчеркиваниями. Подчеркнуто было описание смерти Достоевского... Умирая, он позвал детей. Они встали у его кровати – сын и дочь. Он протянул им Евангелие и попросил прочесть вслух притчу о Блудном сыне. Когда чтение закончилось, он сказал: «Дети, не забывайте никогда того, что только что слышали здесь. Храните беззаветную веру в Господа и никогда не отчаивайтесь *в Его прощении*. Я очень люблю вас, но моя любовь – ничто в сравнении с бесконечной любовью Господа ко всем людям, созданным Им. Если бы даже вам случилось в течение вашей жизни совершить преступле-

ние, то все-таки не теряйте надежды на Господа. Вы Его дети, смиряйтесь перед Ним, как перед вашим отцом, молитесь Ему о прощении, и Он будет радоваться вашему раскаянию, как Он радовался возвращению Блудного сына».

...Неужели тот, расстрелянный мною хозяин книги, чьим именем я пользовался столько лет, возвращал меня, великого грешника, блудного сына к Богу? «И никогда не отчаивайтесь *в Его прощении...*»

Я заплакал с книгой в руках. Помню испуганное лицо жены, когда она вошла в комнату. Я ничего не сказал ей об *этом*. Я хотел, чтобы *это* осталось исключительно моим.

Но с тех пор мне стало казаться, будто я слышу в себе Голос. Его нужно было таить... от всех. Знакомое ощущение старого подпольщика. Правда, в моем подполье прятался Бог.

Я начал... молиться по утрам каждый день. Чтобы не пугать жену и дочь, вставал рано. Молился на коленях у подоконника, глядя в небо. Мои делали вид, что спят. Я так и не знаю, как жена объясняла эти «пережитки» пионерке Сулико.

Встреча товарища Кобы с его другом товарищем Фудзи

Это случилось через месяц. Я сидел в редакции за работой – читал рукописи. В издательство приходили тысячи графоманских сочинений. Читать их было пыткой. Но это являлось моей обязанностью... У меня даже появилось жутковатое ощущение: когда вечером, возвращаясь домой, я видел свет в окнах домов, был уверен, что там мои враги пишут свои творения. Проклятые, наверняка длиннющие рукописи.

В тот день я сидел над очередным опусом (о каком-то квадратно-гнездовом способе, который не хочет внедрять на поля тайный враг, злобный вредитель), когда услышал в коридоре топот.

Вбежал директор издательства. И с каким лицом! Сколько на нем было эмоций – ужас, подобоострастие, восторг! Он прокричал:

– Скорее! За мной!

И мы побежали по коридору. Он ничего не объяснил мне, но я сразу догадался. Я уже видел подобное лицо той ночью, в лагере.

Промчавшись мимо ошарашенной секретарши, мы ворва-

лись в директорский кабинет. На столе лежала снятая трубка. Он подал мне ее, как Самое Священное...

– Сейчас с вами будут говорить, – произнес в трубке знакомый голос Поскребышева.

Наступило молчание. Потом другой знакомый голос спросил:

– Это ты, Фудзи?

– Это я... – Голос мой дрожал. И после мучительной паузы, стоившей мне по меньшей мере года жизни... потому что я не знал, как его назвать... ох, как я боялся ошибиться... проямлил: – Это я... Иосиф Виссарионович... Здравствуйте.

– Здравствуй, – мягко продолжил он. – Ты случайно не свободен сейчас?

– Свободен... конечно, свободен.

– Я рад, что ты свободен. Тогда приезжай ко мне.

– Как, Иосиф Виссарионович? – растерялся я.

– Неумный вопрос, Фудзи, – ласково засмеялся он. – Товарищ Сталин сказал бы, «глупый вопрос».

В трубке раздались гудки. Тотчас раскрылась дверь, и в кабинет вошел вежливый молодой человек в форме майора НКВД.

Меня привезли в Кремль. Здесь мало что изменилось. Все тот же «уголок», где находился его кабинет.

В этом кабинете он обосновался, кажется, незадолго до

смерти Нади. Он располагался в бывшем Сенатском дворце (корпусе номер один – как он у нас именовался). Углом Сенатский дворец выходил на Никольские ворота Кремля. Кабинет в просторечии, и опять же для секретности, получил название «Уголок».

Как обычно, я вошел в подъезд номер два (главный парадный подъезд здания) и предъявил пропуск дежурному. Около дежурного я увидел Власика, начальника охраны Кобы. Это означало, что Коба в кабинете. Власик меня узнал, усмехнулся:

– Давно не виделись, здравствуйте!

– Свиделись, тем не менее... здравствуйте.

Я медленно поднялся по мраморной лестнице на второй этаж. Сейчас я все воспринимал глазами постороннего. Я будто впервые видел: высокие двери кабинета, огромная приемная, показавшаяся мне после лагеря и редакционных каморок похожей на бальный зал... Все те же три стола красного дерева, поразившие меня сейчас красотой и размерами. За одним сидел полковник НКВД. Взглянул на меня, и я... тотчас вытянулся, руки по швам! Ничего не мог с собой поделать... За двумя другими столами – блестящая лысина Поскребышева, все того же главы Секретариата, и шевелюра его безликого помощника.

Полковник записал в журнале регистрации, когда я во-

шел (потом запишет, когда выйду из святилища). Все, как прежде, будто не было этих пяти лет. И все по-новому.

Ровным голосом, в котором мне всегда чудилась скрытая насмешка, Поскребышев сказал:

– Здравствуйте, товарищ Фудзи. Вы можете пройти в кабинет, Иосиф Виссарионович вас ждет.

Вошел... Тот же сводчатый потолок. В углу – те же большие стоячие часы в футляре из черного дерева. Та же тумбочка у окна с посмертной маской Ленина под стеклом. Та же ковровая дорожка, ведущая к столу. Та же картина на стене: Ленин на трибуне – выступает. Те же диван и стеклянный книжный шкаф. Та же, как всегда раскрытая, дверь из кабинета в комнату отдыха, со знакомым огромным глобусом посередине и картами на стенах.

Но Коба! Новый Коба встретил меня в форме генералиссимуса, с вечной трубкой в негнущейся руке. Победитель Коба! Величественный генералиссимус Коба. И я, жалкий старик...

Мы стояли и смотрели друг на друга.

Я поздоровался. Коба указал мне на большой стол для заседаний. Знакомый стол с зеленым сукном, образующий с его столом букву «Т».

Все так же молча он сел за свой стол с аккуратно разложенными бумагами и склонился над какой-то толстой рукописью... Я увидел, как он полысел. Голая макушка товари-

ща Сталина вместо густых волос Кобы. Разглядел я и то, как он стал сутулиться, как мешковато сидели золотые погоны на его опущенных плечах... Время! Представляю, насколько нехорош показался ему я – маленький, жалкий старикашка в дешевом костюме. Как всегда, читая мысли, он тотчас поднял голову, посмотрел на меня задумчиво и сказал печально:

– А ты совсем седой и поплешивел, Фудзи!

Я облился потом и прошептал:

– Годы, Иосиф Виссарионович.

Вдруг он яростно закричал:

– С каких это пор ты стал со мною на «вы»?! Мы разве поссорились? За что обижаешь? Почему забыл мое партийное имя? Может, ты прогнал из партии товарища Сталина?

От ужаса я потерял дар речи. Я знал: одно неверное слово – и я снова буду там! Снова бедствия для моей несчастной семьи! Я поднял глаза и наткнулся на его бешеный взгляд. Сколько раз я видел его: это был он, мой старый друг Коба. И я с любовью, печальной, непритворной любовью, посмотрел на него. Он это почувствовал. Глаза стали ласковыми. Я понял: первое испытание выдержал.

– Никогда не говори мне «вы», никогда! Слышишь, Фудзи! Сколько нас осталось – друзей-соплеменников?

Действительно, нас совсем не осталось. Нас, любивших друг друга, готовых умереть друг за друга удалых грузинских парней! Одних он посадил, других расстрелял, третьих заставил покончить с собой...

Он смотрел внимательно, глаза в глаза. Я с отличием окончил его университеты. В моих глазах он прочел только любовь. Любовь к Вождю, Учителю и старому Другу. Уверен, я выдержал и второе испытание.

И тогда он трубкой указал на рукопись.

– Это «Витязь в тигровой шкуре», русский перевод...

Он помнил мою любовь к этой поэме: когда-то тысячу лет назад в туруханской ссылке я читал ему ее наизусть, а он, зевая, слушал.

И вот теперь, перелистывая рукопись корявыми толстыми пальцами, задал мне несколько наивных школьных вопросов. Я ответил. Он поблагодарил и что-то записал прямо на полях. Потом пояснил:

– Меня попросили товарищи отредактировать русский перевод «Витязя»... Я решил с тобой посоветоваться.

Он действительно редактировал. Он, управлявший гигантской страной, хотел еще править «Витязя». На языке, который плохо знал, на котором до сих пор писал со смешными ошибками. Но он верил, что сумеет сделать и это. А может быть, это опять было испытание? Очередное? Он все еще пристально смотрел в мои глаза. Но, клянусь, там было написано только одно: «Величайший Гений редактирует перевод величайшей поэмы, рожденной на его родине. Как же это прекрасно! Кому же, как не ему...»

Он был доволен.

– Тебе передадут рукопись и мои замечания. Просмотри их – не в службу, а в дружбу. Заранее спасибо за консультацию, Фудзи. Ты знаешь, как я ценю твои знания...

Мы простились.

– Послушай, – вдруг сказал Коба, когда я уже стоял в дверях. – Я сейчас подумал. Сколько лет мы с тобой не виделись! Нехорошо, Фудзи. У тебя ведь было новоселье. Ты должен позвать меня в гости. Посидим, как прежде, поговорим, вспомним прошлое, споем...

– Но, Коба, я живу довольно тесно... – пролепетал я.

– Как тебе не стыдно, Фудзи? Помнишь, как мы жили до Революции? Где мы с тобой только не ютились! Разве это мешало нам веселиться? Тесный дом друга – может ли быть что-нибудь просторней?

– Прости. Я буду очень рад тебя видеть, Коба!

– Да, Фудзи. У меня ведь грядет юбилей... У тебя, похожему, тоже?

– Да, через год после твоего. – (Впрочем, в лагере у меня был промежуточный – шестьдесят пять лет. В тот день меня отправили чистить сортир. И охранник, гогоча, сказал: «С юбилеем тебя, еб... понский бог!»)

Но в моих глазах читалась лишь радость от встречи!

Коба тоже приветливо улыбался.

– Значит, завтра жди меня к себе.

«Так это и есть пионерка Майя?»

На следующий день с утра в нашей квартире появились молодые люди в одинаковых костюмах. Все мои двенадцать соседей были загнаны в комнаты и не могли, несчастные, даже выйти в туалет. Квартиру обследовали, стены простукали, из коридора убрали все сундуки, все тазы, велосипеды, всю обувь и пальто. Коридор стал девственно чистым, и молодые люди заняли важнейшие стратегические места на подступах к туалету и ванной, в кухне, в повороте коридора.

Они гулко переговаривались между собой. Переулок и дом были оцеплены. Патрульные машины стояли вдоль тротуара. Те же молодые люди бродили по вмиг опустевшей улице, разгуливали по этажам. С трех часов дня движение жильцов по нашей лестнице окончательно прекратилось.

Наконец, в семь часов подъехали машины: сначала две, потом еще три, пять... Коба привычек не менял – все машины выглядели одинаково, чтобы нельзя было понять, в какой из них находится он.

Мы сидели в нашей комнатухе, пили наше грузинское вино, принесенное Кобой, и пели наши грузинские песни. Жена рядом со мной усердно подпевала, боясь глядеть на Кобу.

Коба посадил мою дочь на колени, и она замерла, не смея

шевеливаться, на коленях Лучшего Друга советской детворы и детворы всего мира. Он мягко и нежно выкручивал ей ушко своими короткими, толстыми пальцами. Это была его прежняя, любимая ласка...

Мы вспомнили с ним о каторге и ссылке (царской), вспомнили анекдоты (того времени). А потом опять пели. Как хорошо он пел! Не помню, писал ли я, но у Кобы всегда был поразительный слух. Он слышал, о чем шепчутся в соседней комнате за закрытой дверью. И голос у него был несильный, но очень приятный. Слух и голос его остались прежними.

Он ласково глядел на меня, и я любил его. Я любил нашу юность, наши прежние мечты, нашу маленькую солнечную родину. Милый мой друг Коба... И я старался забыть *обет*, который дал тогда в лагере.

Он внимательно следил, чтобы я не пропускал тосты, чтобы пил до дна стакан за стаканом. Но от вина моя преданная любовь лишь возрастала. Здесь он ошибся. Лишь возрастала моя любовь к нему...

В конце вечера, продолжая выворачивать ушко Сулико, он вдруг пробормотал, как бы невзначай:

– Так это и есть «пионерка Майя»? – И жадно уставился на меня...

Значит, он читал ее письма? Все эти годы он знал, что ему пишет она – моя несчастная, полуголодная дочь? Я в бешенстве посмотрел на него. Не смог скрыть! Он, зло усмехаясь,

глядел на меня.

И под этим взглядом неистовый огонь грузина-отца покорно погас. Теперь на Кобу смотрели жалкие, тусклые, умоляющие глаза старого Фудзи.

В полночь он ушел. Я не спал — ожидал конца. Знал, что это случится на рассвете...

Но наступил рассвет... и ничего не случилось. Точнее, все случилось наоборот.

На следующий день мне позвонил Поскребышев и сообщил, чтобы в издательство я больше не ходил, что ко мне уже выехал фельдъегерь с пакетом из ЦК.

Фельдъегерь привез приказ о моем назначении на должность заместителя министра иностранных дел. Еще через день я получил ордер на квартиру.

Квартира была в том же Доме на набережной, но в другом подъезде. Когда я приехал посмотреть ее... смешно и страшно писать, но на кухне на плите опять стоял теплый чайник. И здесь кого-то взяли буквально накануне. Я легко мог узнать, кого, но не захотел.

Я понял, как был не прав в ту страшную ночь. Только когда секундное мое бешенство сменилось угодливым страхом — именно тогда я выдержал испытание. В тот момент Коба окончательно убедился: нет больше опасного, храброго Фудзи. Умер! И *никогда* более не воскреснет.

Есть трусливый раб, пес, готовый все стерпеть, виляя хвостом. Да, я с честью выдержал его испытание! Злое испыта-

ние друга моего Кобы!

Но он, Коба, ошибся! Ибо никогда не говори «никогда».

Новые замыслы богочеловека

Я снова стал часто встречаться с Кобой. Все свое время он посвящал осуществлению гигантских, воистину наполеоновых планов. Каждый раз, приходя к нему в кабинет, я видел, как мой друг давал указания в какой-нибудь области...

Помню, однажды он был Великим Архитектором... В кабинете сидели Берия, Молотов и два архитектора. Висел огромный лист ватмана, изображающий странное, фантастических размеров здание с уступами, кончавшееся шпилем. Здание напоминало одновременно неправдоподобно высокую церковную колокольню и вавилонский храм.

Коба расхаживал по кабинету и держал речь.

– Москва теперь не просто столица. Она столица нового мира – лагеря социализма. Между нами говоря, нынче по виду это нищий, грязный город со следами бомбежек. Надо в кратчайший срок поменять облик города. Товарищи спросят: «Как?» Я предлагаю надеть на Москву подобающую корону, которая заставит наших людей гордиться своей столицей. Это корона из семи зубцов – семи высотных зданий.

Молотов и Берия захлопали.

– Перед вами – одно из них. Докладывайте, – сказал Коба. Архитектор, к которому он обратился, встал, откашлялся и начал читать по бумажке привычное:

– «Опираясь на руководящие указания товарища Ста-

лина, мы создали свой, советский стиль высотных зданий. В нем переплетаются древние исконные традиции русского зодчества, облик древних русских церквей, а также теремная архитектура времен великого царя Ивана Васильевича Грозного. Но никакого подражательства американским небоскрегам. Все эти идеи подсказаны нам лично товарищем Сталиным...»

Коба одобрительно кивал. Потом заговорил сам:

– В эту высотку мы переселим Министерство иностранных дел. Здание должно отражать величайшее могущество страны Советов. Послы будут входить в вестибюль, похожий на дворец. Мрамор, гранит, бронза... Пусть восхищаются иностранцы-засранцы!

Города лежали в руинах. Разрушенный Сталинград ютился в подвалах, бараках, но гигантские деньги и силы должны были пойти на эти семь небоскребов.

Берия и Молотов продолжали демонстрировать буйный восторг. Я конечно же присоединился.

В другой раз мой друг был Великим Мелиоратором. В тот день в кабинете собрались министр сельского хозяйства, руководство министерства и те же Берия и Молотов.

Коба у стола держал очередную краткую речь.

– Сколько раз была засуха в Поволжье, товарищи?! Люди старшего поколения – например, мы с товарищем Фудзи – хорошо помнят, как при царизме голод периодически охва-

тывал страну. – (Я усердно закивал.) – Теперь больше не будет голода. Товарищи спросят: «Как?» Станем перекрывать реки. Создадим лесозащитные полосы. Справедливо сказал товарищ Мичурин: мы, большевики, не можем ждать милостей от природы, взять их – наша задача.

Берия, Молотов и я – мы все захлопали.

(На следующий день из всех репродукторов непрерывно несло: «Мы, большевики, не можем ждать милостей от природы. Взять их – наша задача».)

А тогда Коба спросил:

– Сколько, Лаврентий, в твоём ведомстве рабочих рук?

– Два с половиной миллиона.

– Придется им хорошенько поработать! Предстоит засеять сто двадцать миллионов гектаров леса. Это будут гигантские лесозащитные полосы – до тысячи километров при ширине шестьдесят метров. Одновременно мы повернем вспять некоторые реки. Пусть господа иностранцы-засранцы попробуют осуществить хоть часть плана, за который берется СССР. Не выйдет! Мы, коммунисты, навсегда победим и засуху, и неурожай... Лаврентий, добавляй себе людей.

Какая короткая фраза! Но за ней – аресты и гибель тысяч...

В конце заседания принесли только что выпущенный плакат. На нем Коба, молодой, красивый, в форме генералиссимуса, с трубкой в руке, склонился над картой лесозащитных полос. Надпись: «Засуху победим. Мы, большевики, не

можем ждать милостей от природы. Взять их – наша задача. И.В. Сталин».

Коба плакат одобрил.

Был он, конечно, и Великим Ученым. Его всегда мучило, что прежние вожди партии – Ленин, Троцкий, Бухарин – являлись теоретиками. И вот под старость он сумел встать с ними в ряд, взял и эту высоту.

Безвестные ученые присылали ему множество писем, как правило, пороча своих известных коллег. Когда их несложные мысли ему нравились, он конспектировал их, совершенно искренне забывая впоследствии про несчастного автора.

В результате он, не очень грамотно говоривший на русском языке, написал «основополагающую работу по вопросам языкознания», где заклеил заблуждения великого лингвиста Марра.

Ему понравилось чье-то письмо, разоблачавшее генетику. И он тотчас объявил ее буржуазной лженаукой. Заодно посадил и расстрелял нескольких ученых-генетиков.

Станет он и ведущим экономистом, напишет «основополагающую работу по экономике социализма»...

К сожалению, истинные авторы иногда наивно напоминали о себе.

Но Берия умел позаботиться о них, и впредь они более не огорчали Кобу своими письмами.

Титан-мыслитель в мундире генералиссимуса. Таков он теперь, мой друг. С раннего утра и до ночи гремит его имя. Нельзя без него погулять – имя тотчас помчится за вами из уличного репродуктора, дома оно ползет к вам в мозг из вашего радиоприемника; нельзя за обедом открыть газету – оно ринется со всех страниц прямиком в ваш суп. Разорвите газету, выключите репродуктор – имя донесется через стену из радио соседа, оно будет слышно из-за двери уборной, когда ты запрещаешься по нужде, от него не укрыться даже под одеялом в кровати – заползет и туда.

Но сам Коба – за занавесом. Только в дни праздничных торжеств страна видит его лицо. Мой великий друг давно понял: тайна – мать величия на Востоке. Азиатский бог таинственен. Гитлер – западный бог. Человек представления, диктатор-мистик, заклинатель. Коба – восточный бог, скрывающийся в темном покое. Гитлер – болтун. Коба немногословен. Но каждая его фраза на вес золота. Она тотчас разлетается по стране, бесконечно цитируемая, написанная на множестве плакатов – на улицах и в парках. И страна учит их наизусть, как прежде учила Евангелие.

Богочеловек Коба!

Очередная тайна Кобы

Как и многие тогда, я был уверен, что он помешался в старческом тщеславии.

Но постепенно я начал его понимать. Как и все в его жизни, это безумие имело практическую цель.

Впервые я об этом подумал в 1946 году. Помню, тогда в его кабинет внесли огромную свернутую в рулон карту – «СССР в новых границах».

– Трудимся все, – весело объявил Коба.

В кабинете были Берия и Молотов. Мы втроем дружно и демократично под руководством Кобы взялись прикалывать огромную карту кнопками к стене.

Коба был необычно словоохотлив:

– Запиши в свои писульки, Фудзи, которые ты, конечно, не ведешь... но ведешь... следующее: в победоносном 1944 году, когда мы гнали гитлеровские войска, товарищ Сталин понял – пора начать торговаться о территориях, пока наша армия самая сильная. И предложил встретиться главному империалисту Черчиллю... Черчилль, Рузвельт – большие люди! Рузвельт умер, жалкий Трумэн теперь вместо Рузвельта! Рузвельт, конечно, тоже был империалист, но он был великий империалист. А Трумэн... разве можно их сравнить. Или Черчилль... Да, Черчилль тоже империалист, но и он великий, спас в войну этих ебанных британцев. А они его но-

гой в жопу – погнали из премьеров! Перед голосованием его предупреждали о возможном поражении, советовали хитро подать в отставку, но он сказал этим мудакам: «Я никогда не уйду из бара, пока он сам не закроется». И закрыли, мудаки, такой бар... Вот она, гнилая буржуазная демократия в действии! Но тогда в сорок четвертом хитрожопый Черчилль был премьером. И товарищ Сталин предложил ему: «Давайте нарисуем послевоенный мир, чтобы потом не ссориться». Он согласился. Подумал, что лучше поспешить и поделить сейчас, пока армия товарища Сталина только начала освобождать Европу. Империалист хорошо усвоил: если товарищ Сталин займет территорию, он оттуда уже не уйдет. И надо ему успеть получить хоть что-то. Я говорю Черчиллю: условие наше одно – чтоб на наших границах или вблизи них были дружественные нам правительства. Он и здесь соглашается, но говорит: «Я приеду в Кремль со своим министром иностранных дел (Иденом)». Я говорю: «Зря! Тогда я буду вынужден взять своего министра Молотова. С ним нам с вами будет непросто. Это зверь, а не человек. Я его сам боюсь! Я даже когда-то сказал Рузвельту: “Молотова надо отправить в Чикаго. Он там станет своим среди гангстеров”. Я, конечно, постараюсь подтолкнуть его к компромиссу. Но вы стойте насмерть вместе со мной. Втроем против него нам будет легче». И вот они приехали в Кремль. И началось. Вячеслав помнит... Торг у нас шел всю ночь до утра. Черчилль, допустим, писал на листке: «Россия на 90 процентов доминирует

в Румынии, Англия имеет то же в Греции...» Тут Вячеслав, по моему знаку, вступает: «Ни за что! В Греции – паритет». Я принимаюсь Молотошвили уговаривать. С трудом соглашается. Ведь Греция на самом деле нас не интересовала. Но Черчилль запомнил, что мы уступили...

Молотов наконец-то издал звук, обозначающий у него смех. Коба продолжал:

– Переходим к Италии. Говорю Черчиллю: «Здесь ваши сто процентов, здесь нам ничего не надо». Но он не успел порадоваться, как по моему знаку голос Вячеслава: «Возражаю!» И опять сражение Черчилля с Вячеславом! Счастливый Черчилль при моей поддержке побеждает. Но зато в Восточной Европе после таких наших уступок все прошло без сучка и задоринки, как нужно было нам! Венгрия – семьдесят пять на двадцать пять в нашу пользу, Болгария – восемьдесят на двадцать. Только с Югославией вышел спор. Правда, потом мы и ее прибрали. С Польшей тоже решили не сразу, но в конце концов в нашу пользу. Джентльменское соглашение с империалистами скрепили пожатием рук. Черчилль сказал: «Господь сотворил мир за неделю, а мы с вами – за одну ночь». Уже уходя – Вячеслав этого не знает, – Черчилль, смеясь, добавил: «С Молотовым хорошо придумали. Именно так поступают картежники. Я с удовольствием взял бы вас в свою команду для любых переговоров».

Пока Коба рассказывал, Берия и Молотов старались – Берия непрерывно восторженно хохотал, Молотов одобри-

но посмеивался.

— Товарищ Сталин сумел перехитрить Черчилля и во время Ялтинской конференции, — рассказывал Коба. — Поселил Рузвельта, как человека больного, в Ливадийском дворце, где проходила конференция. Сам поселился в довольно скромном Юсуповском дворце, а Черчиллю предоставил роскошный Воронцовский дворец. Каждое утро мы съезжались в Ливадийский... Но мне туда ехать семь километров, а Черчиллю — пятнадцать. Так что товарищ Сталин успевал один с Рузвельтом решить многое!

Соратники аплодировали, я не отставал...

Мы закончили прикалывать карту. Коба отошел, полюбовался и сказал:

— Ну что, по-моему, неплохо потрудились. Да, русские всегда умели хорошо воевать, но выгодный мир заключить не умели. Товарищ Сталин нарушил эту плохую традицию. Скажи, Вячеслав, думал ли ты в Сибири, что будешь делить мир? — Он посмотрел на меня. — Думали ли мы с тобой в Турханске? — И добавил: — Напиши все в своих «Записках», Фудзи. Я их у тебя скоро заберу... когда снова *туда* отправлю! — Прыснул в усы и начал разжигать трубку.

Мы, грузины, тщеславный народ. Нам мало быть великими. Нам нужно постоянно *видеть* свое величие в глазах другого. Я был этими глазами. Зеркалом, глядя в которое, он видел весь свой длинный путь.

Разжегши трубку, Коба неторопливо пошел вдоль карты.

– Однако поглядим детальней, что у нас получилось. На Севере все в порядке. Финляндия перед нами слишком провинилась, и мы забрали у них немного земли – отодвинули их границу от Ленинграда. Теперь твои агенты, Лаврентий, могут преспокойно вылавливать там белых эмигрантов, сбежавших после Революции. Придется финнам *не*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.